

ЕЛЕНА *Львова*
РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

МОСКВА <--> ЯКУТСК

БОСС *в* **ТУНДРЕ**
Минус 40 **И БЕЗ**
ПЛАНА Б

Елена Львова

Босс в тундре. Минус сорок и без плана Б

<https://litres.ru/74008258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда ты — московский босс, ты думаешь, что готов ко всему. Моя жизнь резко накренилась и я оказался на Севере. Конечно, я был готов ко всему кроме сорокаградусного мороза, печки, генератора и алабая, который смотрит на меня, как на ошибку природы.

Я быстро понял, что деньги здесь не греют, статус не работает, а выживание — командная игра.

Особенно если в команде есть женщина с характером, ребенок с прямыми вопросами и собака, решающая, жить тебе в этом доме или нет.

Инструкция по выживанию для московского босса, которую он не читал.

Теплый романтический ромком о том, как мороз закаляет характер, любовь меняет правила, а самый строгий экзамен иногда принимает собака.

Содержание

Глава 1. Марк	4
Глава 2. Марк	15
Глава 3. Наталья	22
Глава 4. Марк	30
Глава 5. Марк	36
Глава 6. Наталья	42
Глава 7. Марк	53
Глава 8. Наталья	59
Глава 9. Марк	66
Глава 10. Марк	77
Глава 11 Наталья	82
Глава 12. Марк	91
Глава	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Елена Львова

Босс в тундре. Минус сорок и без плана Б

Глава 1. Марк

Я делаю шаг с трапа, и мир бьет меня по лицу.

Ощущение, что кто—то плеснул жидким металлом прямо в дыхание и тут же захлопнул дверь изнутри. Воздух не входит. Легкие сжимаются, как смятый пакет. Я пытаюсь вдохнуть — и сгибаюсь пополам, хватая ртом пустоту. Будто все-ленская морозильная камера открылась и сказала: «Добро пожаловать. Ты — идиот».

— Черт... — выдыхаю, но звук тут же растворяется в белом паре.

Мороз действует как профессиональный анестезиолог — мгновенно и без спроса. Лицо превращается в незрячую маску. Я моргаю, и ресницы слипаются в ледяные реснички. Очаровательно. Теперь я точно буду красиво смотреться на фоне местных сугробов.

Я поднимаю глаза. Ночь. Не та, к которой я привык. Не московская — с отражениями фонарей, стеклами, машинами и ощущением, что город никогда не спит.

Эта ночь глухая и плотная. Она не шумит — она смотрит.

Скрип под ногами — это не уютный хруст с рекламы, это звук ломающегося пенопласта. Я смотрю на табло.

-42°C

Я жду, пока цифры сменятся на что—нибудь адекватное. Типа «-15, ощущается как -42». Они не меняются. Они просто горят, как обвинительный приговор моему пуховику и всей моей гениальной идее «переждать».

— Это ошибка, — говорю я вслух. — Так не бывает.

Если бы кто—то месяц назад сказал мне, что я буду стоять здесь — в дизайнерском пуховике, с чемоданом и ощущением, что меня медленно замораживают заживо, — я бы рассмеялся, заказал еще один виски и предложил отправить этого человека к хорошему психиатру. Тогда я был уверен, что моя жизнь выстроена идеально и все под контролем. А сейчас психиатр, кажется, нужен мне.

Ветер бьет в лицо, как пощечина. Я торопливо натягиваю шарф повыше, пытаюсь спрятаться в воротник, но мороз уже внутри. Он настойчивый, как коллектор, и явно намерен взыскать с меня все — вплоть до последней теплой мысли.

Вокруг люди идут спокойно. Кто—то несет ребенка в меховом коконе. Кто—то катит чемодан. Никто не суетится. Никто не орет. Никто не умирает, черт возьми. А я чувствую себя лабораторной мышью, которую выкинули в дикую природу.

Я достаю телефон. Экран вспыхивает на секунду, по-

казывает последнее уведомление: «*Марк, есть две новости...*»— и благополучно отключается. Символично. Моя прежняя жизнь только и успела, что послать мне прощальный средний палец.

Где—то под ребрами впервые за долгое время появляется неприятное чувство. Оно ползет из—под ребер холодным, тяжелым комом.

Я слишком далеко.

От всего.

И, стоя в этой белой, беззвучной пустоте, я понимаю главное: дороги назад нет.

Роман, дружище, спасибо тебе огромное. Это не побег от проблем. Это прыжок из огня — напрямик в жидкий азот.

И сейчас я уверен в одном — это худшее решение в моей жизни.

Ладно, Якут, твой ход. Что там у тебя следующее? Мамонты?

Внутри аэропорта чуть теплее... Я отдираю ресницы, стягиваю перчатки и машинально, уже по привычке, поправляю шапку... Кашемировую, брендовую, аккуратную. Ту самую, которую в Москве надевают, когда «минус десять, но без ветра». Здесь она выглядит как плохая шутка.

Я делаю несколько шагов и впервые за последние минуты могу выпрямиться. Легкие перестают паниковать, пальцы снова становятся моими, а не чужими ледышками. Отлично. Значит, я все—таки пока не умру на взлетной полосе.

Зона выдачи багажа низкая, тесная, шумная. Людей много — рейсы здесь, похоже, событие. Все стоят плотно, без привычной московской дистанции. И почти все одеты одинаково.

Гигантские меховые комбинезоны. Капюшоны с пушистыми кольцами. Варезки размером с подушки. Люди похожи на полярников или космонавтов, которым вот—вот скажут: *отстыковка через три... два...*

А я в дизайнерском пуховике итальянского кроя. В Москве он выглядел как статус, а здесь, как ошибка в расчетах.

Я продвигаюсь ближе к ленте, протискиваюсь между людьми. Меня задевают сумкой. Потом еще раз. Я раздраженно вскидываю взгляд — автоматически, по—московски.

Мол, вы вообще смотрите, куда идете?

В ответ на меня спокойно смотрит мужчина в меховой ушанке. Лицо смуглое, обветренное, глаза узкие и внимательные. Взгляд у него не злой и не враждебный, скорее оценивающий, с легкой тенью насмешки. Как будто он видит меня насквозь, и уже все понял.

Я внезапно осознаю неприятную истину. Здесь я не хозяин положения. Я — декоративный зверек, случайно выпущенный в дикую природу.

Мужчина отворачивается, будто диагноз поставлен и обсуждать больше нечего.

Лента багажа вздрагивает, и чемоданы начинают выпол-

зять, как ленивые тюлени. Я хватаю свой с неожиданным облегчением, словно это последний предмет, который все еще принадлежит моей прежней жизни.

— Марк?

Голос раздается сбоку. Я оборачиваюсь.

Передо мной стоит мужчина лет шестидесяти. Коренастый, широкий, словно сделанный из старого дерева. Лицо все в морщинах — не от возраста, от ветра. На нем такая же доха, как у половины людей вокруг. И еще одна, переброшенная через руку.

— Да, — отвечаю я. — От Романа.

Он кивает.

— Степан.

Никаких рукопожатий. Никаких лишних слов.

— Машина близко? — спрашиваю я.

— Близко, — соглашается он и разворачивается. — Пойдем.

Мы идем к выходу. Чем ближе стеклянные двери, тем сильнее внутри сжимается что-то тревожное. Я вижу за нами темноту, снег и ветер, и организм заранее начинает сопротивляться.

Двери разъезжаются. Холод накрывает сразу — без предупреждения, без паузы.

— Стой, — спокойно говорит Степан.

Он протягивает мне доху. Огромную и тяжелую не то шубу, не то дубленку... колхозный тулуп какой-то. Такую, в

которой, наверное, можно пережить ядерную зиму и развод.

Я смотрю на нее с ужасом.

— Мне не нужно, — начинаю я. — У меня пуховик...

Степан смотрит на меня внимательно.

— Роман велел, — говорит он. — Надень. А то до машины не дойдешь, москаль.

В голосе нет ни насмешки, ни упрека, просто факт. Холод тем временем уже добирается до висков, и я сдаюсь. Надеваю доху поверх пуховика.

Она давит на плечи. Пахнет дымом, шерстью и чем—то диким — не стиранным, не цивилизованным. Возможно, тайгой.

И через несколько секунд происходит предательство. Мне становится тепло. Тело благодарно выдыхает.

И это, черт возьми, унижительно.

Мы садимся в старый Land Cruiser. Огромный, потрепанный, но живой. Машина заводится с первого раза и уверенно катится вперед.

Я смотрю в окно. За стеклом — не город. Белая равнина под лунным светом, сугробы высотой с машину, темные силуэты складов, редкие огни. Все плоское, бескрайнее, будто мир закончился, и дальше просто не стали дорисовывать.

Я сглатываю: *Что я здесь делаю?*

У меня в Москве рушится компания. Юристы, совет директоров, лучшие айтишники страны... Люди, которые хотят объяснений. А я еду по дороге, ведущей в никуда, на пла-

нете Бездна.

Я снова хватаюсь за телефон. Нет сети. Ни полоски. Как будто кто—то аккуратно перерезал пуповину, связывающую меня с прежней жизнью.

Степан молчит. Он просто ведет машину. Не задает вопросов. Не поддерживает разговор. Его молчание плотное и тяжелое, как снег за окном. Оно давит сильнее любых слов.

Я впервые за долгое время остаюсь наедине с собственными мыслями. И мне это совершенно не нравится.

Машина сворачивает с трассы и еще минут десять плывет вглубь полной темноты.

Фонари кончаются внезапно, будто их просто надоело ставить. Дальше только снег, ветер и редкие, расплывчатые силуэты домов, утонувших в сугробах по самые окна.

Вне останавливается.

— Приехали, — говорит Степан.

Я выглядываю в окно.

Большой приземистый дом. Не деревянный в привычном «дачном» смысле, он какой—то... основательный. Будто его не строили, а вкапывали в землю, чтобы не унесло ветром. Рядом гараж, сарай, высокий забор. Все утопает в снегу. Только узкая тропинка к калитке расчищена, как путь в неизвестность.

Степан выходит, открывает багажник, ставит мой чемодан прямо на снег. Потом молча кивает в сторону крыльца.

Там, прислоненная к стене, стоит лопата. Не садовая ло-

патка, а оружие.

Я перевожу взгляд на Степана.

— Это... — начинаю я.

— Пригодится, — спокойно говорит он и протягивает мне ключи.

Металл холодный даже сквозь перчатку.

— Если что — Роман на связи, — добавляет Степан, хотя мы оба прекрасно понимаем, что это слабое утешение.

Он садится в машину.

— Подождите... — говорю я, но двигатель уже заводится.

Фары разворачиваются, и на секунду свет выхватывает мое отражение в стекле — человек в нелепой дохе, с чемоданом и выражением легкого, первобытного ужаса на лице.

Машина уезжает.

Глубокая, давящая тишина накрывает мгновенно. Я стою один посреди белой пустоты. Ветер ноет в проводах, снег скрипит под ногами так громко, будто я хожу по битому стеклу.

Калитку приходится откапывать, снег здесь живет своей жизнью и явно не ждал гостей.

Подхожу к двери, вставляю ключ, поворачиваю. Ничего.

— Да ладно... — бормочу я и пробую еще раз.

Дверь не поддается. Я аккуратно толкаю ее плечом. Потом сильнее. Потом, как в дешевом боевике, размахиваюсь и врезаюсь всем корпусом. Дверь остается на месте. А вот моя уверенность — нет.

— А—а! — вырывается у меня, когда боль простреливает плечо.

Отлично, Марк, ты приехал на край света и первым делом решил поколечиться. Блестяще.

Я стою, дышу паром, матерюсь сквозь зубы, и вдруг до меня доходит. Замок. Он просто примерз. Выдыхаю на него. Пар тут же оседает инеем. Гениально.

Ладно, думаем. Достаю зажигалку, грею ключ. Осторожно, почти нежно, будто извиняюсь перед механизмом за свою тупость. Пробую снова. Щелк — дверь поддается.

Я нервно улыбаюсь, но с чувством безумного облегчения. Моя первая победа.

Внутри по—настоящему тепло. Дом встречает запахом дерева и дыма. Просторно и чисто. Никаких дизайнерских изысков. Все по—мужски просто и надежно. В углу стоит печь—камин, видимо, Степан затопил ее к моему приезду. Рядом аккуратная поленница. На полу толстый ковер из шкуры медведя, на который я стараюсь не смотреть.

На стене тикают большие часы с кукушкой.

Тик—Так. Тик—Так.

Стаскиваю доху, потом пуховик. Тепло обнимает сразу, без церемоний. Закрываю глаза.

Жив. Пока.

На кухонном столе лежит лист бумаги, и написанный от руки текст. Беру и читаю:

«Дрова в пристройке. Топи, если меньше +20. Инструк-

ция на полке. Генератор в гараже.

Если мороз ниже -50 и свет отрубят — заводи. Ключ там же. Байкал на улице в вольере. Выпусти, он свой. Корм в мешке.

Не задохнись.

Роман.

Wifi: Netu. Пароль: Tozhe.

Серьёзно. Спутник ловит только у окна в гостиной, и то если ветер не с севера.

Если срочно — ключ от офиса на крюке. Но лучше отдохни от экрана, братан.

Тут и без интернета дел хватает.»

Перечитываю строку про Байкала. Потом еще раз. Сердце ёкает. Но прежде чем страх успеваает оформиться, я вижу строчки выше. «Wifi: Netu. Пароль: Tozhe». Мозг отказывается это обрабатывать. Спутник ловит только у окна... Ключ от офиса... Отдохни от экрана...

У меня в голове медленно, как ледник, сползает осознание. Я не на необитаемом острове. Я в цифровом вакууме. Меня отрезали от мира тоньше и изощреннее, чем если бы просто украли телефон. Роман, ты гений пыток.— Собака... — медленно произношу вслух. — У него... собака.

Сглатываю. Собаки меня не любят. Я их тоже...опасаюсь. Но, наверное, оставлять ее на улице... в такой мороз... не по —человечески.

Надеваю доху обратно, открываю дверь и выхожу во двор.

Передо мной возникает вольер...большой...очень большой...

И из глубины вольера на меня смотрят спокойные внимательные глаза. А потом он выходит из тени... Белый. Огромный. Мощный.

Это не собака. Это воплощение всего, чего я боялся в детстве: темный угол, неконтролируемая сила, тихий рык. Только этот «угол» весит под центнер и может догнать меня за три прыжка. Вся моя взрослость, весь мой статус испаряются, оставляя только первобытный ужас: перед ним я — просто мясо.

Я замираю. Он тоже. Мы смотрим друг на друга.

И в этот момент во мне оформляется мысль — простая, ясная и абсолютно честная:

«Проклятье, Роман. Что я тебе сделал плохого? И самое главное — какого черта я вообще на это согласился?»

Глава 2. Марк

Несколькими днями ранее

Москва шумит так, будто пытается перекрыть сама себя. Я выхожу из банка после бессмысленной встречи с кредиторами и тут же попадаю в засаду.

— Марк Власов!

— Сюда посмотрите!

— Прокомментируйте информацию об утечке данных!

— Правда ли, что ваши роботы передавали персональные сведения?

Воздух сжимается. Голоса наваливаются со всех сторон, физически ощутимые, как толчея в метро. Кто—то задевает меня плечом. Кто—то тычет объективом камеры так близко, что я вижу свое искаженное отражение в стекле — бледное, с напряженной линией рта.

— Без комментариев, — выдавливаю я автоматически. Голос звучит хрипло, будто это говорю не я, а мой давно неиспользуемый внутренний автопилот.

— Акции компании падают уже третий день!

— Вас вызывали на проверку?

— Это правда, что в коде обнаружена уязвимость?

— Ваши роботы шпионили?

Я медленно поворачиваю голову к последнему вопрошающему. Улыбаюсь. Но это не улыбка, это оскал, отполиро-

ванный до блеска на дорогах тренингах. Спокойствие, уверенность, контроль. Маска, которая сейчас трещит по всем швам, потому что под ней чистая, животная паника, потому что сейчас — ни черта нет никакого контроля.

Охранники, огромные и молчаливые, словно ледоколы, расталкивают людскую массу. Ладонь одного из них упирается мне в спину, грубо подталкивая к черному кузову машины. Дверь захлопывается, отсекая какофонию. Внутри гробовая тишина, которую тут же разрывает на части бешеная вибрация телефона в кармане. Он бьется о бедро, как птица в клетке.

Юрист. PR. Совет директоров. Мама. Ладонь, сжимающая аппарат, влажная. Я гашу вызов матери большим пальцем, чувствуя знакомый, тошнотворный укол вины где—то под ложечкой.

— Домой? — спрашивает водитель, глядя в зеркало.

— Нет, — отвечаю я после слишком долгой паузы. Горло пересохло. — В офис.

Офис встречает меня как лазарет после эпидемии. Звуки приглушены, люди перемещаются бесшумно, на цыпочках. Они улыбаются, но уголки губ подрагивают. Они смотрят куда угодно — на мониторы, в окна, на кончики своих ботинок, — только не на меня. Как будто я не босс, а нулевой пациент, разносящий заразу.

На гигантской смарт—панели в переговорной отображен график. Красная линия, точная и безжалостная, как порез,

уходит вниз.

— Это паника, — говорю я, и мои слова падают в мертвую тишину комнаты. — Временный спад.

Пиар—директор, Елена, женщина с уставшим лицом, осторожно кашляет.

— Марк, СМИ раскручивают историю. Им нужен... персонаж. Скандал. Пока инженеры не залатают дыру... вам лучше дистанцироваться.

Я смотрю на них на всех. На лица, которые знаю годами. На Елену из PR, которая когда—то защитила компанию от первого серьезного скандала ценой двух бессонных ночей. На Сергея, финансового директора, который пришел ко мне из крошечного стартапа и вырос вместе с «КиберВосторг».

И сейчас я вижу в их глазах страх за компанию, которую мы строили вместе. Страх за свои семьи. И, да, страх за меня.

Елена первая находит в себе силы посмотреть мне прямо в глаза.

— Марк, — говорит она тихо, но четко. — Ты горишь на радаре. Каждое твое слово, каждый выход — это новый информационный повод. Пока технари не починят софт... тебя просто съедят. Нам нужна пауза. Тебе, чтобы отдышаться. Им — чтобы работать без камер в окне.

Сергей кивает, глядя в стол.

— Акции упадут еще на пару дней, это неизбежно. Но если мы уберем из уравнения «персону», шумиха начнет затихать. Юристы говорят, что у нас есть две—три недели, чтобы

все исправить и выйти с официальным опровержением. Но для этого... для этого тебе не надо быть в эпицентре.

Я превратился в мишень. И это бьёт сильнее, чем если бы они меня ненавидели.

— Вы предлагаете мне... спрятаться? — медленно произношу я, и в голосе слышится металлический отзвук.

— Мы предлагаем временно снизить... градус, — поправляет финансовый директор, избегая моего взгляда. — Ваше присутствие в медиаполе только подливает масла.

В этот момент телефон снова начинает свой безумный танец. Я бросаю на него взгляд, готовый швырнуть его в стену. И замираю.

На экране — имя: «**РОМА ЯКУТ**».

Мой институтский друг из нашего Круга шести — компании, с которой мы когда-то делили общагу, дешёвый кофе и уверенность, что весь мир нам по плечу.

Роман после выпуска поехал «на годик» в Якутск, хотел набраться опыта, посмотреть страну, поработать в поле. И, как это обычно бывает с самыми странными решениями, именно оно оказалось самым правильным. Он там остался.

Сначала — начальником участка. Потом — руководителем. Потом — владельцем. Сейчас половина района работает на его предприятие, а его мир — это не падающие графики, а тракторы, олени и люди, которые не смотрят новости.

С тех пор он не Роман. Он — Якут.

Я принимаю вызов, отвернувшись от своих бледных ди-

ректоров.

На экране возникает его спокойное, уверенное лицо. За его спиной не стекло и бетон, а массивные деревянные стены, полка с книгами в потертых переплетах и массивная настольная лампа, отбрасывающая тёплый круг света на разложенные бумаги.

— Ну что, столичная звезда, — раздаётся его глуховатый, узнаваемый голос. — Еще дышишь или уже разорвали?

— Пока на плаву, — выдавливаю я, и губы сами растягиваются в первую за день настоящую, усталую ухмылку. — Но, если еще один журналист спросит про шпионаж, я, пожалуй, соглашусь. Хотя бы для разнообразия.

Он громко смеется. Как человек, у которого сейчас нет ни журналистов, ни инвесторов, а за окном не мегаполис, а несколько тысяч гектаров своей земли.

— Слушай, а ты чего дергаешься—то? — спрашивает он просто, будто речь о починке забора.

— Потому что тут ад, Ром! — голос срывается, и я понижаю тон, отходя в угол. — Меня снимают из—за каждого куста. Каждый чих — в заголовках. Мне нельзя высунуть нос.

Он молча смотрит на меня с экрана, и в его взгляде нет ни паники, ни осуждения. Только внимательное, немного ироничное изучение. Затем пожимает плечами.

— Ну так исчезни.

— Куда?! — почти срываюсь я. — На Мальдивы? Меня и там через два часа найдут!

— Ко мне, — говорит он, как о чем—то само собой разумеющемся. — Поживи в моем доме. Воздух сменишь. Отдохнешь.

Я моргаю. Мозг, заваленный юридическими сводками и котировками акций, отказывается обрабатывать эту информацию.

— У... тебя? На краю географии? Якут, у меня тут компания к дну идет!

— Вот потому и надо, — его логика железобетонна и неопровержима. — Пара недель. Твои технари дыру залатают, а журналисты на нового дурака переключатся. А я как раз в Москву собираюсь на выставку. Поживу у тебя.

Я смотрю на его спокойное лицо на экране. Потом на свою команду, которая уже шепчется у графиков, не глядя на меня. Чувствую, как под ребрами сжимается холодный, тугой ком. Это единственный выход, который не выглядит полным поражением.

— Ты предлагаешь... поменяться жизнями? — уточняю я, и в голове уже проносится абсурдная картинка: я в ушанке, он в моем смокинге.

— А что? — он снова пожимает плечами. — У меня тишина. И тебя там точно никто не найдет. Разве что медведи, но они поспокойнее твоих журналистов будут.

— Ты сумасшедший.

Я смотрю в окно. Внизу снова толпа. Камеры. Вспышки. Телефон снова вибрирует.

Я закрываю глаза. Веки тяжелые, будто отлиты из свинца. За ними пляшут красные линии графиков и вспышки фотокамер. А потом образ: бескрайняя белая тишина. Ни вопросов, ни упреков. Никого.

Делаю глубокий, дрожащий вдох.

— Ладно, — выдыхаю я, чувствуя, как почва уходит из —под ног. Остается только эта безумная соломинка. — Две недели. Просто переждать. Я... подумаю.

На экране Роман широко и по—доброму улыбается.

— Долго не думай. Завтра отзовись, все подробно обсудим.

Связь обрывается. Экран гаснет, оставляя меня с моими негромкими, избегающими взгляда сотрудниками.

Глава 3. Наталья

Снег под ногами поет тонким, высоким, стеклянным звуком, который говорит: хозяйка здесь зима, и она не прощает ошибок. Я иду твердо, привычно, не обращая внимания на завывание пурги за воротником. Фонарь в руке выхватывает из белой мглы очертания фермы, а в голове уже выстраивается план. Сообщение от дежурного было коротким и тревожным: «Важенка номер 43. Затяжные роды. Не выходит».

В загоне пахнет снегом, дыханием животных и страхом. Самка лежит на подстилке, ее бока ходят ходуном от схваток. Глаза, темные и мокрые, смотрят в пустоту. Помощник, Семен, мечется рядом, разводя руками.

— Второй час так, — говорит Семен, переминаясь с ноги на ногу. — Не идет. Может, подождем?

— Или начальству звонить? — предлагает кто—то.

— А вдруг сама разродится?..

Я опускаюсь рядом на корточки, не слушая. Спокойно, без суеты провожу ладонью по теплomu боку животного.

— Не разродится, — говорю я. — Плод неправильно лежит.

Мужики переглядываются.

— Так... что делать—то?

— Воды теплой. Чистой. Быстро, — мой голос звучит не громко, но Семен замирает. — И инструменты. Стерилиза-

тор. Лидокаин. Шовный материал.

Сбрасываю тяжелую доху, натягиваю поверх свитера про-резиненный фартук, тонкие латексные перчатки. Движения быстрые, точные, без суеты.

— Держите голову. Спокойно. Не давите.

Олениха дергается сильнее, бьет копытом по насту. Я на-клоняюсь ближе.

— Тише, девочка... — говорю я тихо. — Сейчас.

Кесарево в полевых условиях — не геройство. Ремесло. Грязное, тяжелое, требующее холодной головы. Я не думаю о морозе за стенами, о том, что ближайшая клиника в пятидесяти километрах и свет здесь держится на двух лампах. Я думаю только о двух жизнях, которые сейчас зависят от мо-их рук.

— Держите. Спокойно, — говорю я.

Мои руки работают сами — точно, привычно, будто это не первый раз и не самый страшный. Секунды тянутся мед-ленно. Потом вдруг движение. Слабое. Но живое.

— Пошел, — выдыхает кто—то за моей спиной.

— Держи, — командуя я, и через минуту в моих ладонях бьется маленький, мокрый комочек. Олененок. Самец.

Чищу ему дыхательные пути, тру жестким полотенцем — и он издает первый тонкий, жалобный звук. Звук, который значит: «Я буду жить».

Потом — швы, уколы, забота на автомате. Важенка, обес-силенная, но уже спокойная, тянется к детенышу. Мои руки

начинают дрожать только теперь, когда все позади и адреналин медленно отступает, оставляя ледяную усталость.

Эту усталость я приношу с собой домой. Дом встречает меня тишиной и теплом. Скидываю доху, потом сапоги и только тогда, опираясь о косяк, позволяю себе выдохнуть.

— Мама!

Ванечка, маленький метеор в пижаме с оленями, врзается мне в ноги, обвивая их тонкими ручками. Приседаю, прижимаю его к себе, вдыхаю запах детского шампуня и теплой фланели. Вся стойкость, весь лоск растаяли в этом объятии.

— Я ждал, — шепчет он мне в шею.

— Знаю, солнышко. Все хорошо.

Няня, соседка Галина Сергеевна, кивает с порога кухни:

— Все хорошо прошло?

— Слава Богу. Спасибо, Галина Сергеевна, что за Ванечкой присмотрели. Идите домой, отдохайте.

Остаюсь одна с сыном. Наливаю ему молока, а себе чаю, сажусь за стол и чувствую, как ноет каждая мышца. Ванечка, прильнув ко мне боком, выводит что—то цветными карандашами.

— Мама, а тот олененок... он будет жить?

— Будет, — провожу рукой по его мягким волосам. — Он сильный.

На полке, рядом с книгами по ветеринарии, стоит фотография в простой рамке. Там я моложе, улыбаюсь, а мужчина с добрыми глазами и недельной щетиной обнимает меня за

плечи. Рядом копошится двухлетний Ванюша. Мой муж был геологом. Его не стало три года назад — обрушился шурф под Верхоянском. С тех пор мой мир состоит из работы и этого мальчика за столом. И этого достаточно.

Звонок заставляет вздрогнуть. На экране — «РОМАН».

— Наташ, — его голос, всегда немного глуховатый, сейчас звучит отдаленно, на фоне — неясный городской гул. — Слышал про важенку. Ты молодец, как всегда. Герой.

— Да какой я герой? Скажешь тоже. Просто работа, — отпиваю чаю. — Ты где? В Москве?

— Ага. Шум, гам, суета. Тоска, Наташ. По тишине уже соскучился.

Я улыбаюсь. Он также любит наши бескрайние снега и морозную тишину, как и я.

— Звонишь—то не просто так. Что случилось?

Роман на том конце молчит секунду.

— Друг у меня в доме поселился. Из Москвы. Марк. Городской до мозга костей. Как инопланетянин в наших краях. У него обстоятельства сложные. Я ему все инструкции оставила, но знаешь...

Чувствую, как внутри что—то настораживается.

— Ром, у меня своих дел полон рот. Ванечка, ферма, отчеты. Я не нянька для твоих столичных друзей.

— Знаю, — говорит он мягко, но настойчиво. — Не нянька. Просто... глянь одним глазком. Чтоб не помер от холода или голода или не натворил чего.

— Он взрослый мужчина, — возражаю, но уже без прежней твердости. Я обязана Роману. После смерти мужа именно он, тогда еще новый хозяин «АрктикАгро», дал мне шанс увидев в дипломе и отчаянных глазах потенциал. Он стал надежным, ненавязчивым другом нашей маленькой семье.

— Взрослый, — соглашается Роман. — Но в нашей взрослости — разная соль, Наташ. Ему сейчас... как выгоревшему полю. Просто глянь. Сделай мне одолжение.

Фраза «выгоревшее поле» задевает за живое. Слишком хорошо знаю, что это такое.

— Ладно, — вздыхаю. — Заеду. Завтра.

— Спасибо. Ты золото.

Связь обрывается. Отставляю чашку. «Выгоревшее поле». Значит, проблемы не с законом или бизнесом, как я подумала сначала. Значит, душевные. Еще хуже. Столичные неженки со своими душевными проблемами мне особенно неприятны — в моем мире не до сантиментов, здесь борются за жизнь в самом прямом смысле.

На следующий день, завезя Ванечку в детский сад, направляю свой УАЗ в сторону дома Романа. Подъезжаю к дому. Сугроб у калитки разворочен, будто его атаковали, а не расчищали. Углы губ дрогнули от легкого презрения.

Я иду к крыльцу, и мой взгляд выхватывает приоткрытую дверь и ленивую струйку дыма, выющую из—под косяка. Раздражение бьет, как ток: неужели он уже успел все поджечь?

Ускоряю шаг, толкаю дверь сильнее. Воздух внутри тяжелый, едкий, холодный. В доме почти так же, как на улице.

— Эй! — бросаю в пространство, не скрывая резкости.

Поворачиваю голову и вот он. Невыспавшийся, небритый и напряженный москвич сидит у распахнутого окна, закутавшись в доху, упрямо уставившись в экран ноутбука. Печь чадит, дверца топки приоткрыта, очевидно, в отчаянной попытке не задохнуться. Он слышит шаги, поднимает голову. Его лицо бледное, глаза покраснели от дыма, но в них нет паники. Только упрямство и холодная, злая решимость.

— Вы вообще в курсе, что угарный газ не пахнет? — спрашиваю я, даже не поздоровавшись, подходя к печи. Взглядом отмечаю закрытую заслонку. Корень проблемы.

— В курсе, — отзывается он хрипло. — Поэтому окно открыто. Ищу золотую середину между гипоксией и гипотермией. Пока не очень получается.

Я не отвечаю. Просто наклоняюсь и одним резким движением откидываю заслонку. Сразу слышится гул — тяга просыпается, и дым начинает уходить в трубу, переставая валить в комнату.

Он молча наблюдает. Потом произносит, глядя в экран:

— Спасибо за демонстрацию. Думаю, минут через пятнадцать я бы и сам до этого додумался. Методом исключения.

В его тоне легкая, язвительная снисходительность. Словно я лишила его удовольствия решить головоломку самому.

Все внутри меня закипает. Я приехала сюда по просьбе

Романа, оторвавшись от тонны дел, вижу, что человек в шаге от отравления, и... и получаю в ответ лекцию о своевременности помощи?

— Методом исключения? — мой голос становится опасным, тихим. — У вас, простите, всего два варианта было: открыть эту железку или продолжать дышать продуктами горения. Какой третий вариант вы исключали? Силу мысли?

Он, наконец, отрывает взгляд от экрана. Встречает мой взгляд. В его глазах вспыхивает огонек спортивного интереса. Ему, кажется, даже нравится этот диалог.

— Третий вариант — разобраться, почему система не работает как задумано, — парирует он. — Я инженер. Я не привык просто дергать рычаги. Я привык понимать процессы.

— Отлично, — говорю я, и мое терпение лопается. — Пока вы тут будете «понимать процессы», изучая теорию горения на практике, я пойду к реальным живым существам, которые в этом понимании не нуждаются. Им просто нужно, чтобы их не травили и кормили вовремя. — Я киваю в сторону окна, где вдалеке виднеется вольтер с Байкалом.

— Вы кормили Байкала?

— Мы... обменялись взглядами, — сухо отвечает он.

— Обменялись взглядами, — повторяю я, и в голосе звучит лед. — Поздравляю. Надеюсь, ваш взгляд был достаточно калорийным. Потому что с утра он должен получить свой корм, а не философские дискуссии.

Я вижу, как его скула дрогнула. Попала в цель. Он знает,

что проиграл этот раунд. Но сдаваться не собирается.

— Справлюсь, — бросает он. — Не первый раз в жизни учусь.

— Учиться — это смотреть, слушать и иногда задавать вопросы, — отрезаю я, поворачиваясь к выходу. — А не делать вид, что ты и так все знаешь, пока не надышишься угаром. Роман просил проверить, живы ли вы. Вы живы. Пока что. Моя миссия выполнена.

Я не оглядываюсь. Чувствую его взгляд у себя в спине — колкий, оценивающий.

— Девушка, — слышу я его голос. Он не извиняется. Он просто останавливает меня.

Останавливаюсь в дверном проеме, не оборачиваясь.

— Меня зовут Наталья Петровна, — отрезаю я.

— Наталья Петровна, передайте Роману, — говорит он с прежней язвительной легкостью, — что его дом в порядке. А его собака... обладает исключительно пронизательным взглядом.

Я просто выхожу, хлопнув дверью. Не сильно. Но достаточно звонко.

Сажусь в машину, завожу двигатель. В груди все кипит от злости. Выгоревшее поле, говорил Роман? Поле, напичканное минами самолюбия и язвительности.

И черт побери, в этом есть какой—то вызов. Какой—то противный, раздражающий вызов.

Глава 4. Марк

— Меня зовут Наталья Петровна, — отрезает она.

— Наталья Петровна, передайте Роману, — отвечаю я с привычной язвительной легкостью, — что его дом в порядке. А его собака... обладает исключительно пронизательным взглядом.

Дверь захлопывается, и я снова остаюсь один в задымленной комнате. Тишина сразу кажется оглушительной. Только печь потрескивает, словно злорадствует.

Я медленно выдыхаю, и из груди вырывается что—то среднее между смешком и рычанием.

— Да кто ты вообще такая? — говорю я в пустоту. Вопрос повисает в дымном воздухе, абсолютно бесполезный. Я спорю с дверью, которая уже захлопнулась.

Чрезвычайно неприятная особа. Нет, правда! Зашла, отчитала, покрутила какую—то заслонку с таким видом, будто только что спасла планету от идиота. А этот взгляд... Она смотрела на меня не как на мужчину. Даже не как на человека, а как на глючный модуль, который надо либо починить, либо выбросить.

— Наталья Петровна, — повторяю я ее интонацию, язвительно вытягивая гласные. — Конечно. Прямо чувствуется, что сейчас достанет из сумки печать, акт осмотра и штраф за неправильное существование.

Я морщусь от собственной же горечи. Я *киплю*. Буквально чувствую, как жар от злости растекается под кожей, жжет виски.

— Она себя в зеркало—то видела? — бурчу, глядя на запотевшее окно, в котором смутно отражается мое бледное, раздраженное лицо. — Комбинезон, меховые сапоги, лицо суровее налоговой проверки... На нее в столице нормальный мужик и не обернулся бы. Вот она и злится на весь мир, особенно на тех, у кого жизнь удалась. Привыкла тут царицей в своем снежном королевстве быть, всех поучать.

Во рту горький привкус обиды. Еще бабы меня не учили!

Я привык к другому. К мягким взглядам из—под длинных ресниц, ловящим мое внимание через полумрак бара. К нежным рукам, так и норовящим поправить галстук или протянуть бокал дорогого виски. К восхищенному, чуть с придыханием, шепоту: «Марк, ты просто гений». К женщинам, которые были украшением, лакомым десертом, идеально подобранным аксессуаром к успешной жизни. Частью картинки, где я — главный герой.

А не к... этой. К этой ходячей инструкции по технике безопасности в грубом комбинезоне.

В голове сама всплывает старая, пошлая дразнилка: «Наташа — три рубля и наша». Язвительная, глупая, но сейчас она кажется единственно верным, разящим оружием. Хочется крикнуть ей это вдогонку, чтобы сбить этот ее королевский, презрительный тон.

Я закрываю глаза, пытаюсь вдохнуть поглубже, но вместо воздуха глотаю едкий остаток дыма. От этого бешенство накачивается с новой силой. Она пришла, устроила разнос, и даже не попрощалась. Просто «Наталья Петровна» — и точка. Как будто поставила штамп: «Инспекция проведена. Объект — безнадежен».

— Ну держись, Наталья Петровна, — тихо говорю я в тишину, формулируя в голове новую порцию ругательств и угроз.

И тут из—за окна раздается глухое, низкое, тяжелое:

— Вуф.

Не «гав». Не «тяф». А именно — «вуф». Солидно. С предупреждением.

Байкал. Это именно то, о чём мне сейчас думать хочется меньше всего.

Я подхожу к окну. Вольер виден отчетливо. Белая масса в глубине шевелится, поднимается, приближается к сетке. Очень большая, очень плотная масса.

— Спокойно, — говорю я ей, а больше — себе. — Я просто смотрю. Оцениваю обстановку.

Пес останавливается у сетки. Молча смотрит в ответ. Мы стоим и молчим. Диалог, что называется, не клеится.

Я вспоминаю строчку из записки Романа: «*Впусти, он свой*». Своеобразная формулировка. «Свой» — это кому? Мне? Тебе? Миру вообще? Или он просто сам себя считает единственным по—настоящему «своим» в этом дворе, а все

остальные — временные арендаторы?

Придется выяснять.

Подхожу к мешку с кормом. Читаю инструкцию на этикетке. Там, разумеется, все изложено так, будто кормить алабая — самое естественное и простое дело в жизни каждого человека. «Насыпать в миску суточную норму». Прекрасно. Остается лишь мелочь — подойти с этой миской к алабаю.

Я беру одну миску. Потом, после секундного раздумья, беру вторую на всякий случай. Пусть будет стратегический запас. Вдруг захочет второе блюдо?

Глубоко выдыхаю. Никакого страха... Только стратегия.

— Ладно, Байкал, — объявляю я, выходя во двор. — Давай договоримся как взрослые люди... то есть... просто, как взрослые, разумные существа. Ты не кусаешь. Я кормлю. Взаимовыгодное сотрудничество.

Он подходит вплотную к сетке. Молча, без рычания и без оскала. Это почему—то пугает сильнее любой демонстрации силы. В этой тишине — полная уверенность.

Я медленно ставлю первую миску у вольера. Без резких движений, как будто имею дело с диким зверем или с заряженным устройством. Что, в общем—то, недалеко от истины.

Теперь — кульминация. Калитка.

План прост до гениальности: открыть → отскочить → наблюдать с безопасного расстояния → выжить.

Я протягиваю руку и замираю. Вспоминаю, что на мне до-

ха. Толстая, многослойная, сбитая как броня. Теоретически, непрокусываемая. *Теоретически...*

— Ром, если ты меня сейчас слышишь, — шепчу я в пространство, — я тебе это припомню. Со всеми процентами.

Выдыхаю, отодвигаю задвижку и делаю шаг назад. Потом еще один. Создаю дипломатическую дистанцию.

Байкал выходит медленно, спокойно. С невозмутимым, царственным достоинством.

Подходит к миске и, не торопясь, обнюхивает. А потом... садится рядом с ней и поднимает на меня взгляд. Долго молча смотрит. Очень долго.

Я стою, затаив дыхание, чувствуя себя полным идиотом в этой немой сцене. Он что, ждет приглашения? Музыкального сопровождения? Личного одобрения шеф—повара?

Наконец, пес опускает морду и начинает есть. Спокойно, методично, с чувством собственного достоинства.

Все.

Никакой драмы, никакой крови, никакой борьбы за выживание. Только звук чавканья в морозном воздухе.

Я медленно, очень медленно, позволяю себе вдохнуть.

— Отлично, — бормочу я, ощущая прилив глупой гордости. — Значит, первичный контакт установлен.

Байкал на мгновение поднимает голову, смотрит на меня так, будто слышит, и снова возвращается к еде.

Я осторожно делаю шаг назад. Никакой реакции. Еще шаг. Тишина. Он даже ухом не повел. Я отступаю к дому, как са-

пер, благополучно обезвредивший мину и теперь покидающий поле, стараясь не споткнуться о собственные ноги.

Только когда дверь за мной мягко щелкает, я прислоняюсь к ней спиной. И вот тут до меня доходит. Сердце колотится где—то в районе горла, а в ушах — легкий звон. Перед глазами всплывает, как старый забытый снимок: детство, дача, лопнувшая цепь и черный ротвейлер, на секунду прижавший меня к земле.

Чудом обошлось. С тех пор собака крупнее кошки всегда вызывает неконтролируемый страх. Нелогичный, детский, въевшийся в подкорку. С этой мелкой, но прочной деталью внутреннего устройства я и вырос.

Я делаю медленный вдох. Байкал на крыльце спит, свернувшись клубком. А мой внутренний пятилетний мальчишка еще немного дрожит.

— Ничего сложного, — говорю я ему голосом, который старается звучать ровно. — Абсолютно штатная ситуация. Все очень просто и совсем не страшно.

Глава 5. Марк

Когда адреналин уходит, приходит голод. Молодец, Марк, собаку ты покормил, а себя? Я хочу есть так, как будто не ел последние лет десять.

Уверенно иду на кухню, надеясь, что все самое страшное уже позади. В конце—концов, не сошел же мир с ума. Открываю холодильник... Мир окончательно сошел с ума.

Внутри царит спартанский порядок и полярная стужа. Никаких йогуртов, готовых салатов или сыров в индивидуальной упаковке. Вместо них на верхней полке лежит здоровенный кусок замороженного мяса, не удивлюсь, что оленины. Это кусок не упакованный, не в вакууме, а просто... мясо, как артефакт из музея естественной истории.

Ниже несколько одинаковых банок. На крышках маркером написано:

«Тушенка. 2024».

«Тушенка. 2025».

И еще одна без подписи. Это особенно тревожит.

Рядом толстое, уверенное в себе сало. Такое не едят, с таким вступают в переговоры.

Ну и «вишенка на торте» — полный ящик лука. Не одинокая луковица для салата, а стратегический запас на случай апокалипсиса.

Я смотрю на все это и чувствую, как внутри меня вступают

в борьбу два сильных чувства: голод и брезгливость. Голод пока проигрывает.

— Ну давай, — говорю я холодильнику. — Удиви меня чем—нибудь знакомым. Йогурт? Салат? Соевое молоко?

Холодильник молчит. Закрываю дверцу и через секунду открываю снова, вдруг реальность передумала. Но нет, оле-нина никуда не делась. Мой желудок, избалованный пастой от итальянского шефа и утренними смузи, смотрит на это и тихо плачет.

Я делаю шаг назад.

— Не вопрос, переходим к плану Б, — говорю я вслух. — Эта проблема решается в два счета. Закажу нормальный стейк с гарниром и пиццу на вечер. Рука сама тянется к телефону. Экран освещает мое уверенное лицо. И тут же эта уверенность лопаet, как мыльный пузырь. **«Нет сети».**

Начинается ритуал. Я хожу по дому, поднимая смартфон к небу, как шаман, безрезультатно вызывающий духов 4G. Пока не вспоминаю про точку у окна, где я недавно гуглил инструкцию по печному делу. Иду туда, и о, чудо! — две синие полосочки, хрустящие, как жизнь в этом месте.

Я замираю, боясь дышать. Приложение открывается, я, почти не глядя, выбираю еду, и нажимаю «заказать». Колесо загрузки крутится бесконечно. Потом красный крестик:

«Заказ отменен! Доставка в ваш населенный пункт не осуществляется. Ближайшая доступная точка выдачи: г. Якутск, ул. Ленина, 12. Срок доставки в пункт

выдачи — 48 часов.»

Мой мозг отказывается это принимать. В Москве за сорок восемь часов можно заказать ремонт, свидание и новый смысл жизни. А здесь пиццу... теоретически.

— Отлично, — нервно смеюсь в пустоту. — Значит, если я захочу поесть, мне нужно запланировать это за два дня.

Но я бы не был Марком Власовым, если бы так просто сдавался. Надо подумать... Под лестницей я видел картошку, как вариант, можно пожарить. Еще нужен хлеб. Точно! Хлеб. Как я сразу не додумался? Должен же быть тут какой-нибудь магазин. Хоть «Пятерочка» в землянке. На крайний случай — сельпо, киоск, человек с прилавком. Кто-то же здесь ест не только оленей.

Заодно поймаю интернет и позвоню в офис. Узнаю, какие там «две новости», которые сверлят мне мозг с момента приезда.

Эта мысль придает сил. Поиск магазина — это просто новая, крайне неудобная бизнес-задача под кодовым названием «Обеспечение продовольствием в условиях отказа цифровой инфраструктуры». Сейчас я ее легко решу.

Я смотрю на показание термометра – минус 25. Выдыхаю, это уже не фильм—катастрофа.

— Ладно, тундра, — бормочу я. — Раунд второй. Мы еще посмотрим кто кого.

Натягиваю доху, ушанку Якута и тут мой мозг начинает меня кошмарить. Идея выйти за пределы двора, сначала та-

кая простая, теперь обрастает ледяными шипами ужаса. А что, собственно, там... снаружи?

Тундра.

Не двор и не район, и даже не парк с собачниками и латте. Тундра — это когда ты не в центре пищевой цепочки. Даже не рядом.

— Так, — говорю вслух. — Давай без паники. Ты взрослый человек и ты проверишь информацию.

Я медленно раздеваюсь и иду к спасительному окну. Открываю браузер: «Опасные животные Якутии». Замечательная формулировка...очень успокаивающая. Информация загружается мучительно медленно, по кусочкам. Картинки прогружаются пикселями, но и этого хватает.

Волк.Стаи. Особо опасны зимой, в голодный сезон.

Бурый медведь.Может не спать. Шатун.

Росомаха.Злобный, сильный, нападает на все, что считает добычей.

Я перечитываю.

— Простите... кто?

Каждое слово, как удар маленького ледяного молоточка по затылку. «Особо опасны... шатун... нападает...» Воображение тут же услужливо рисует картинку: я, бредущий по снегу, и пара желтых точек, неотрывно следующих за мной сквозь метель. Горло пересыхает.

И тут взгляд падает на белую громадину, спящую на крыльце — на Байкала. В моей перегретой страхом голове

вспыхивает идея такой кристальной чистоты, что я почти слышу одобрительный звук «динь!». Вот же защита. Готовый, встроенный, фирменный телохранитель. Роман не просто так держит такую собаку. Это же местный стандарт безопасности!

Я обыскиваю прихожую, и нахожу широкий крепкий поводок с петлей на одном конце и массивным карабином на другом. Вещь серьезная, рассчитанная на мощь. Идеально.

С этим атрибутом власти я выхожу в двор. Байкал оценивающе щурится. Я решаю начать с дипломатии. Протягиваю руку для дружеского похлопывания по могучей шее.

Моя ладонь встречает упругий, плотный мех. Байкал, не меня выражения морды, просто отводит голову в сторону, давая понять, что тактильный контакт не входит в его планы. Моя рука повисает в воздухе. Ощущение, будто меня мягко, но недвусмысленно отшили в баре.

— Ясно, границы обозначили, — констатирую я. — Переходим к оперативным вопросам.

Я отступаю на пару шагов, стараясь выглядеть авторитетно.

— Ко мне! — говорю я тоном, который обычно заставляет подчиненных вздрагивать.

Байкал продолжает лежать. Он смотрит на меня. В его взгляде нет непослушания. Есть чистое, незамутненное недоумение: *«Я тебя слышу. Твоя просьба нелепа и потому проигнорирована.»*

— Сидеть! — пробую я другую заведомо известную команду.

Он... вздыхает. Глубоко, так, что приподнимаются его бока. И медленно ложится, положив голову на лапы. Но делает он это не по команде. Он делает это потому что устал от моей дурацкой суеты. Это не послушание. Это игнор высшей лиги.

— Хорошо, тогда партнерство, — объявляю я, пристегивая карабин трясущимися руками и продеваю кисть руки петлю поводка, затягивая ее плотно на запястье. На всякий случай, чтобы не убежал. — Ты отвечаешь за безопасность периметра, а я за логистику. Взаимовыгодно, я считаю.

Байкал медленно поднимается, потягивается. Кажется, он согласен. Или просто пошел за мной, чтобы посмотреть, на каком еще дурацком поступке я погорю в этот раз.

Глава 6. Наталья

Мотор УАЗа урчит низко и ровно, отбивая ритм моему раздражению. За стеклом сплошная белая стена мира, стянутого морозом. Он рисует на ветровом стекле ледяные папоротники; я счищаю их, но они вырастают снова — настырные, как мысль о наглom москвиче.

Он всплывает перед глазами четко, как фотография. По-красневшие от дыма глаза, но не от страха, а от упрямой злости. А тот взгляд, когда я к печи подошла. Ни капли растерянности, ноль благодарности. Чистое, концентрированное презрение. «Я сам разберусь». Всем своим видом кричал.

«Я сам разберусь», — передразниваю его мысленно и с силой сжимаю руль. Кожа перчаток яростно поскрипывает. Разберется. Конечно. Такие всегда уверены, что умнее всех на свете — умнее печки, умнее мороза, умнее здравого смысла. Пока не окажутся в ситуации, где их гениальность не греет и на полшага.

— Самоуверенный идиот, — думаю я с усталой, почти профессиональной констатацией. — Такие разбиваются с особым треском. Потому что падает не человек, а тщательно выстроенный им самим образ.

Самоуверенность — самый дорогой вид глупости. Особенно здесь, на Севере, за нее платят очень большую цену, а иногда расплачиваются жизнью.

Я уже видела этих «разберусь». Приезжали «специалисты», «вахтовики», «городские гении» с дипломами и планами на столичных листах. Нам, местным, с ходу лекции читали, как жить надо. А потом наступал первый настоящий мороз, отказывала первая техника, и в их умных глазах появлялась беспомощная пустота. Незнание — не грех. Нежелание признать, что ты ничего не знаешь, вот что убивает.

Я поворачиваю, впереди из белой мглы проступают четкие, незыблемые силуэты «АрктикАгро». Мой мир. Здесь все просто и жестоко в своей простоте: или делаешь — или замерзнешь. Или накормишь — или потеряешь. Никаких полутонов, никаких «я подумаю», «я разберусь». Здесь нужно знать и делать. А он... он даже печную заслонку открыть не догадался. Взрослый мужик. Одно слово — москвич.

Зачем я вообще трачу на него мысленное тепло, которого и без того в обрез? Нормальный мужик? Какое там. Московская неженка, который жизнь по глянцевым журналам изучал. Нахрен вы, такие, сюда претесь? В места, где вы, как лодка посреди океана? Чтобы нам потом разгрести последствия вашей гениальности?

Я выдыхаю длинной, белой струей пара.

Но работа не ждет. Я прибавляю газ. УАЗ с рычанием продвигается вперед, к твердой земле, к реальным делам. А этот призрак в дыму пусть остается в моей голове, как досадная, но временная помеха. Пока не разобьется о реальность.

В моем кабинете пахнет лекарствами, шерстью и снегом,

принесенным на сапогах. Работа кипит планово, без суеты. Сегодня подготовка к весенним прививкам. Я проверяю списки, сверяю с холодильником вакцин. Движения автоматические, точные. Это правильный мир. Здесь все по инструкции и здравому смыслу.

— Семен, как там номер 43? Новорожденный? — спрашиваю, не отрываясь от журнала.

— Крепчает, Наталья Петровна. Мать не отходит. Все в порядке.

Кивок. Хорошо. Одна жизнь спасена, работаем дальше. Достаяю телефон, набираю Романа. Странно... трубку берет только со второй попытки. Не похоже на него.

— Ром, я по препаратам для северного стада. Счет пришел, поводу оплаты за сыворотку, а у нас по договору совсем другие цифры...

Он слушает, но фоном у него какая—то возня, будто он на ходу, в толпе.

— Скинь мне всю информацию, я разберусь. Сейчас не очень удобно разговаривать.

— Хорошо. Не отвлекаю тогда. Но это нужно срочно решить.

Я уже собираюсь положить трубку, как слышу его голос:
— Погоди—погоди! С Марком познакомились? Рассказала ему все тонкости северной жизни?

Меня будто слегка током бьет. Эта тема сейчас, как нажать на больной зуб. Само собой вырывается:

— Твой Марк... Он...вообще нормальный? Он чуть не угорел. Сидел в дыму, читал какие—то инструкции. Печную заслонку открыть не догадался. Детский сад.

Роман заливается своим грудным, добрым смехом, будто я рассказала анекдот.

— Ну не будь так строга. Он хороший парень, надежный. Дай ему время адаптироваться.

Я молчу, представляя себе этого «надежного» парня, упрямо изучающего угарный газ на личном опыте.

— Я планировал, — продолжает Роман, — что ты его на производство привезешь, кабинет выделишь свободный. А то он без связи и интернета сыпью покроется. Тут и столовая, и все блага цивилизации. Пусть посмотрит, чем я занимаюсь, может посоветует чего. Он же у нас гений—программист.

«Гений». Слово режет слух. Здесь гении те, кто доит корову в сорокаградусный мороз или принимает трудного олененка в полевых условиях.

— Как—нибудь без его советов обойдемся, — сухо отвечаю.

Роман смеется еще громче, весело, беззлобно.

— Наташ, прояви гостеприимство. И да, дай ему ключи от моей машины, и пусть мне позвонит обязательно.

Я молчу секунду. Пальцы непроизвольно сжимают край стола.

— Хорошо, — говорю ровно, выжимая из себя это слово. — Передам.

Вешаю трубку. Стою, глядя на беспорядочные цифры в журнале прививок.

А внутри, яснее ясного, проносится мысль, твердая и непреклонная: *«Но не сегодня. Пусть еще денек побудет наедине со своей гениальностью. Своей печкой. Полезно»*.

Это не жестокость и не месть. Здесь просто не читают нотаций, здесь учит сама жизнь. Мороз, тишина и печь, которую нужно уметь топить, если не хочешь замерзнуть. Пусть поймет: он здесь не центр вселенной. И его столичные законы на этом снегу не работают.

А завтра... Завтра посмотрим, останется ли в нем эта надменная уверенность.

Телефон возвращает меня в реальность, он бьется на столе, как пойманная птица. Звонок из детского сада. Все внутри на мгновение обрывается, потом сердце начинает биться медленно и гулко, отдаваясь в висках. Ванечка.

— Слушаю, — голос у меня чужой, плоский.

— Наталья Петровна, это воспитательница, Марина Ивановна. У нас небольшой инцидент. Ваня... подрался.

Голос у нее профессионально ровный, но под ним слышится стальное напряжение. У меня в животе холодеет.

— Он цел? — мой собственный голос звучит странно отдаленно, будто доносится из соседней комнаты.

— Цел, царапина на щеке. Но... родитель второго мальчика. Он здесь. Настроен очень решительно.

— Буду через двадцать минут, — отрезаю я и вешаю труб-

ку.

Руки сами находят ключи в сумке. В груди холодный, тяжелый ком, будто проглотила кусок льда. Это не страх, это предчувствие боли за своего ребенка, которую нельзя взять и забрать, которую придется просто пережить.

В садике тихо, пахнет остывшей кашей, детским мылом и мокрыми варежками. Ваня сидит на стуле в приемной, сжавшийся в маленький, беззащитный комочек. На его щеке красуется алая полоска, будто кто—то провел красным карандашом. Увидев меня, его лицо дрогнуло, губы задрожали, но он не плачет. Мой мальчик. Он встает и подходит, не бегом, а медленно, и прижимается ко мне боком, спрятав лицо в складках моего комбинезона.

Рядом стоит мужчина в дорогой, но нелепой здесь ушанке с рысьим помпоном. Лицо красное, возмущенное. За его ногой прячется пухлый мальчик с надутыми губами и хитренькими, сухими глазами.

— Вот и мамаша подросла! — мужчина начинает сразу, голос громкий, назидательный, будто читает лекцию. — Ваш сын набросился без причины! Смотрите, как моего Эмиля напугал! Я требую извинений! И меры будут приняты! Вы вообще понимаете...

Он говорит, жестикулирует, размахивает руками. Я слушаю, не перебивая. Дышу ровно, через нос, хотя внутри все сжато в тугую, болезненный узел, который мешает дышать полной грудью. Я чувствую легкое дрожание Ваниного пле-

ча, прижатого ко мне.

Потом медленно перевожу взгляд на воспитательницу. Мои глаза, наверное, кажутся ей очень холодными.

— Марина Ивановна. Что произошло?

Она, виновато опустив глаза, тихо, быстро объясняет. Эмиль отбирал у девочки из ясельной группы игрушку, толкал ее. Ваня попросил остановиться. Потом... встал между ними. Завязалась потасовка.

Я снова смотрю на сына. Опускаюсь так, чтобы быть с ним на одном уровне. Он смотрит на меня широко открытыми глазами, в которых отражается страх, вопрос и какая—то взрослая, серьезная усталость.

— Ваня, — говорю я тихо, только для него. — Ты защищал девочку?

Он еле заметно кивает.

В груди что—то с силой переворачивается. Острая, внезапная, почти болезненная гордость. И сразу за ней щемящая, тоскливая жалость. За этот его взрослый взгляд. За эту дурацкую царапину на щеке. За то, что ему в шесть лет уже пришлось за кого—то заступаться.

Я медленно выпрямляюсь и поворачиваюсь к мужчине. Голос мой низкий, ровный, без единой дрожи. Он звучит твердо и неоспоримо, как лед под ногой.

— Мой сын защищал того, кто слабее. Извинений за это не будет. Если вашему сыну требуется осмотр врача, я готова его оплатить. Все остальные «меры» — это к заведующей.

Но я бы на вашем месте, — делаю небольшую, значительную паузу, — начала с разговора с сыном. О том, как правильно вести себя с другими детьми. Сильный — это не тот, кто обижает слабого.

Мужчина открывает рот, его лицо багровеет, но он встречает мой спокойный, непробиваемый взгляд. Что—то в нем ломается. Уверенность, спесь — не знаю. Он невнятно бормочет про «разберемся», хватая своего Эмиля за руку так, что тот взвизгивает, и почти выталкивает его из комнаты.

Только когда дверь за ними закрывается, я позволяю себе выдохнуть. Воздух выходит с легким свистом. Подхожу к Ване, снова присаживаюсь на корточки перед ним. Не обнимаю сразу, даю ему пространство, время.

— Больно? — спрашиваю я, осторожно касаясь подушечкой пальца рядом с царапиной.

Он мотает головой. Потом, глядя в пол, шепчет так тихо, что я почти читаю по губам:

— Он ее толкал. Она плакала.

— Ты поступил смело, — говорю я. И добавляю, заглядывая ему в глаза, чтобы он понял всю важность: — Но драться — не самый лучший способ. Понимаешь?

Он снова кивает, уже увереннее. И только тогда я обнимаю его. Прижимаю к себе, чувствуя, как его маленькое, теплое, еще дрожащее тельце приникает ко мне, доверяется, растворяется. Боль внутри не уходит, она просто меняет форму. Теперь в ней не только материнская тревога, но

и твердая, горькая, но чистая гордость. Мой сын не прошел мимо. Он встал. И за это... за это я готова выдержать любые разговоры с любыми разгневанными отцами.

Начинаем одеваться домой. Я натягиваю на сына свитер, потом теплую куртку. Достая варежки с оленями.

— Варежки.

— Ну ма—а—ам... — тянет он, уже предчувствуя битву.

— Варежки.

— Не хочу, — упрямо бурчит Ваня, закладывая руки за спину. — Они колючие и неудобные. Пальцы гнутся плохо.

— Будут удобные, когда замерзнешь, — говорю я без улыбки, но и без раздражения. Просто констатирую факт, как прогноз погоды. — Давай руку.

Он с неохотой протягивает ладонь. Я беру ее — маленькую, теплую, доверчивую — и натягиваю варежку. Его пальцы вяло сопротивляются, потом сдаются.

— Мам, — начинает он, глядя куда—то мимо меня, на рисунки на стене. — А папа бы меня... поругал? За драку?

Я замираю на секунду. В груди, под самым сердцем, тихо и знакомо сжимается что—то холодное и тяжелое. Я поправляю ему сбившуюся шапку, чтобы купить время, и опускаюсь так, чтобы видеть его глаза.

— Не знаю, — отвечаю честно. Потому что врать ему — хуже всего. — Но он бы точно спросил, за что ты заступился. И, наверное, сказал бы, что сила, чтобы защищать, а не обижать. Чтобы беречь, а не ломать.

Ваня обдумывает, его светлые брови сдвигаются в серьезную, сосредоточенную складку. Потом, как будто переключая каналы в голове:

— А дядя Рома скоро приедет?

— Скоро.

— А Байкал... он там один не скучает? Без дяди Ромы?

Я чувствую, как уголок моих губ сам собой тянется вверх.

— Собаки не так скучают, как люди. Байкал умеет ждать.

Но... наверное, да. Немного скучает.

Ваня удовлетворенно кивает, как будто получил и разложил по полочкам важные, фундаментальные сведения о мире. Его рука, уже в варежке, находит мою и крепко в нее вкладывается.

Мы выходим на улицу. Снег падает большими, ленивыми хлопьями, застилая следы. Тишина стоит такая густая, что слышно, как он хрустит под нашими ногами.

Идем к машине. Ванечка отпускает мою руку и бежит вперед по протоптанной тропинке. Он что—то напевает себе под нос — отрывисто, невпопад, как чириканье залетевшей в подъезд птицы.

Я иду следом, не спеша. В этой морозной тишине, под бесшумный снег, во мне раскрывается что—то простое и твердое, как будто невидимая нить связывает меня с этим мальчишкой впереди, с его сегодняшней царапиной, с памятью об его отце. И уходит корнями в эту землю под снегом. Это не счастье, а спокойное понимание, что мы здесь, и это наша

жизнь, в ее суровой и честной простоте. И это правильно.

Глава 7. Марк

Выходить за ворота в сопровождении ста килограммов живой, пушистой брони — это совсем не то же самое, что выходить в одиночку. Я чувствую себя первопроходцем. Я затягиваю петлю на запястье потуже. Так надежнее. В экстренной ситуации не выроню. Тактически верно.

Мы выходим за калитку. Под ногами укатанная снежная дорога, широкая, с четкими следами от колес. Проблема в том, что она ведет в обе стороны, растворяясь в белой дымке. Куда идти? Я выбираю наугад, к единственному видимому дому метров за сто. Хотя бы спросить.

И мы идем. Байкал оказался идеальным спутником. Он движется ровной, мощной рысью чуть впереди, не натягивая поводок. Проходящая мимо кошка достаивается лишь беглого, презрительного взгляда. Уверенность, исходящая от этого животного, наполняет и меня. Я расправляю плечи под тяжелой дохой. Мороз щиплет щеки, дыхание ровное. Я не жертва обстоятельств, а исследователь с верным волкодавом на поводке, покоряющий Арктику.

Идиллия длится не долго. Внезапно Байкал замирает. В его позе не просто настороженность, а полная, абсолютная концентрация на чем—то, чего я не вижу и не слышу. Ледяная тревога скребет мне под ложечкой.

— Что?.. — начинаю я.

И тут происходит все сразу. Мощный, как удар поддых, рывок, больше похожий на катапульту. Моя рука, с пристегнутой к ней силой в сто килограммов, становится точкой приложения нечеловеческой мощности. Ноги выбивает из— под меня мгновенно и без спора. Я падаю на спину, и мир опрокидывается. Спина и затылок глухо шлепаются в снег, выбивая из легких «уфф!». А потом начинается путешествие на спине. Я скольжу по насту, как бесплатный груз, подпрыгиваю на кочках, вижу мелькающие лапы Байкала и белое небо. Снег забивается за воротник, в рукава, в рот. Я пытаюсь кричать: «Стой! Назад! Черт! Ты куда?!» — но голос срывается на хрип от тряски. Поводок — мой якорь и мой капкан. Я беспомощен, как мешок с картошкой. Единственная мысль в промороженной голове: «И зачем я так туго затянул эту чертову петлю?!»

И так же внезапно, как началось, все кончается. Байкал останавливается. Я лежу, отдышаться не могу, глотая ртом холодный воздух. Звенит в ушах. А потом из сугроба рядом выскакивает мальчишка лет шести в ярко—желтой куртке.

— Байкаал! — визжит он от восторга и бросается собаке на шею.

И происходит чудо. Гроза тундры, только что тащившая меня, как трофей, превращается в гигантскую плюшевую игрушку. Он виляет хвостом, лижет ребенку лицо и уши, а тот смеется и пытается обнять его толстую шею. Картина идиллии. Собака и дитя. Я же лежу в двух метрах, привязанный

к счастливому псу, как нелепый и ненужный прицеп.

Я медленно, со звуком, похожим на стон раздавленного тюленя, поднимаюсь. Каждый мускул ноет. Я отряхиваюсь, и с меня сыпется целый сугроб. Поводок все еще мертвой хваткой впился в запястье. Я стою, красный от усилий и унижения, и смотрю на эту сцену.

— Супер, — шепчу я, пытаюсь ослабить петлю, которая впилась в плоть. — Лучше и не придумаешь.

Я вожусь с проклятой петлей, которая впилась в запястье как удавка. Пальцы заоченели и не слушаются.

И тут слышу шаги. Медленные, уверенные, хрустящие по снегу. И тот самый голос, спокойный и режущий, как лезвие по льду.

— Ваня, хватит душить собаку. Она тебе не игрушка.

Я замираю, не поднимая головы. Вижу в периферии зрения меховые сапоги, практичные, без намека на каблук. У меня внутри все обрывается. Да блин, ну почему ОНА? Почему всегда она, в самый идиотский момент? Закон подлости во всей красе. Медленно, преодолевая дикое желание провалиться сквозь землю, поднимаю взгляд.

Она не говорит ничего. Просто стоит и смотрит. Ее взгляд медленно ползет по мне — от моего, должно быть, идиотски гордого лица, вниз, к руке, затянутой в петлю... и к собаке. Пауза тянется вечность.

— Эффектно, — наконец произносит она. Всего одно слово. Но в нем — целый мир насмешливого превосходства.

Оно висит в воздухе, как пощечина.

Горло у меня пересыхает. Снег тает за воротником, стекая холодной струйкой по спине. Я пытаюсь отцепить проклятую петлю, но мои пальцы — просто деревянные палки.

— Это... тренировочный инцидент, — выдавливаю я. Голос звучит хрипло, неубедительно даже для меня самого. — Проверка систем на прочность.

Она молча подходит ближе. Смотрит на мою красную, врезавшуюся в кожу кисть, на то, как я беспомощно ковыряюсь в узле.

— В следующий раз, для полного антуража, советую привязать поводок к поясу, — говорит она тем же ровным, ледяным тоном.

От этих слов меня будто ошпаривает кипятком унижения.

— Спасибо за ценную рекомендацию, — цежу сквозь стиснутые зубы. — Обязательно оформлю ее в виде меморандума. «Техника безопасности при эксплуатации локального природного явления по кличке Байкал».

Мальчишка отрывается наконец от собаки и смотрит на меня большими, любопытными глазами.

— А дядя почему без санок катался?

Я чувствую, как скула начинает нервно дергаться. Наталья не отвечает ребенку. Ее взгляд все еще пригвожден ко мне.

— Это новый московский метод дрессировки? — спрашивает она. В голосе — та самая ядовитая, невыносимая легкость. — Метод активного погружения в среду? Или так вы-

ясняете предел прочности позвоночника?

Я открываю рот, чтобы парировать, найти какое—нибудь убийственное, остроумное слово, но в голове пустота, залитая адреналином и жгучим стыдом. Я просто стою, весь в снегу, с пристегнутой ко мне собакой, и чувствую себя последним идиотом на краю земли.

Она, наконец, отводит взгляд. Берет мальчишку за руку.

— Завтра заеду за вами в восемь утра, — бросает она через плечо, уже отворачиваясь, как будто на разглядывание этого зрелища больше не стоит тратить времени. — Поедем в «АрктикАгро». Там есть связь, интернет и прочие атрибуты цивилизации, без которых вы, судя по всему, и суток не протянете.

Она уводит ребенка. Я смотрю им вслед, комок ярости и бессилия стоит в горле. Я хочу крикнуть. Хочу спросить, где, черт возьми, тут магазин! Хлеба купить! Нормальной еды! Но слова застревают где—то в пищеводе, задавленные тем самым комом гордости, который она только что так мастерски разбередила. Но спросить у нее сейчас — это признать, что я не только не могу выгулять собаку, но и не в состоянии себя накормить.

Байкал тихо вздыхает, как бы говоря: «Ну вот, опять вляпались». Я с силой дергаю поводок.

— Да пошел ты, — сипло говорю я ему, наконец разжимая петлю и чувствуя, как в освобожденную руку вливается жгучая боль.

И мы бредем обратно к дому. Победа, которая еще мину-
ту назад казалась таким достижением, теперь горчит во рту,
как пепел. А на ужин, я знаю, снова будет эта проклятая кар-
тошка, зажаренная на сале, от одного вида которого у меня
уже сводит желудок. Но лучше я буду есть это сало ложками,
чем спрошу у нее хоть что—нибудь.

Глава 8. Наталья

Мотор УАЗа недовольно урчит, на улице минус тридцать восемь. Туман морозный, густой, как кисель. Я еду за головной болью, которую сама же и согласилась взять на себя. Пальцы в перчатках сжимают руль чуть сильнее, чем нужно.

«Опять лишняя головная боль. Опять чужой человек на моей шее. Ром, за что?»

Сворачиваю к дому Якута и сразу вижу его. Стоит у калитки, отбивая ногой об лед. В своем игрушечном пуховике и в шапке. Сумка для ноутбука через плечо. Выглядит... как манекен, которого выставили на фоне сугробов для контраста.

Марк, заметив машину, делает вид, что только что задумчиво рассматривал облако. Распахивает дверь. Мороз вваливается в кабину едким белым клубом.

— Не хотите нормально объяснить, куда и зачем мы едем? — спрашивает он, усаживаясь. Голос пытается быть легким, но слышно, как сжаты зубы.

— Выполняю распоряжение Романа, — бросаю я, сдавая назад. В зеркале вижу, как он от неожиданности откидывается на сиденье. — Без особого удовольствия, чтобы вы понимали.

Краем глаза ловлю его реакцию: брови чуть взлетают, губы плотно смыкаются. Ждал, видимо, вежливого вступле-

ния. Не дождется.

— Ну уж извините, — выдавливают он уже без всякой легкости. — Не хотел создавать неудобств.

— Создали, — констатирую я, выезжая на дорогу. — Но раз Роман просил, значит, так надо.

В салоне воцаряется та густая, морозная тишина, которую я ценю. Он ее выдержал минуты три. Рекорд.

— Далеко ехать? — звучит его голос, режущий тишину, как стекло.

— Достаточно, чтобы успеть замерзнуть в этой одежде. Дня три на оленях, если что.

Он поворачивает голову. Я чувствую его колкий взгляд на щеке.

— Спасибо за заботу о моем гардеробе. Но, насколько я понял, мы едем в теплое помещение. И почему вы не выполнили распоряжение Романа вчера?

Я слегка поворачиваю к нему голову, на секунду встречаю его взгляд.

— Вчера вы угорали в собственном доме. И вас выгуливали на поводке, — напоминаю я ровно. — Не хотела отвлекать от... важных процессов.

Он резко отворачивается к окну. Я вижу, как у него дрогнула челюсть. Отлично. Пусть помолчит. Я включаю дальний, продираюсь сквозь белую муть.

Молчание тянется километр, другой. Он не выдерживает, начинает ерзать. Поправляет шарф, который ему явно давит,

стучит пальцами по колену. Звук раздражает.

— Живописно, конечно, — прорывается наконец. — Бескрайние просторы. Дыхание свободы.

— Дыхание — да, — соглашаюсь я, обходя колдобину так, что его подбрасывает на сиденье.

— Особенно когда в минус сорок ветер с севера. Тогда прямо полной грудью дышится. Пока легкие не начнут слипаться, как мокрый пергамент.

Он замирает. В салоне снова тишина, но теперь она электрическая, наэлектризованная его подавленной яростью. Сразу видно, он не привык, что его слова отскакивают, как горох от бетонной стены. Ему нужно эхо, восхищение, спор. А тут — равнодушие, которое бьет сильнее любой грубости.

«АрктикАгро» вырастает из тумана: сначала огни, потом силуэты, пар от дыхания сотен животных, металлический лязг и бас генераторов. Моя стихия.

Едва колеса перестают крутиться, моя дверь уже открыта. Игорь с папкой, Семен с озабоченным лицом.

— Наталья Петровна, по накладной с комбикормом чет не сходится...

— А у нас та важенка опять загрустила, не пойму...

Я вылезая, стягиваю перчатки. Марк вываливается следом, неуклюже, будто его одежда ему мешает.

— Игорь, показывай. Семен, какая конкретно важенка?

Работа, как вдох. Знакомый, четкий ритм. Я чувствую, как с плеч спадает дорожное напряжение. И чувствую на спине

изучающий, как сканер, взгляд Марка. Он стоит в двух метрах, будто экспонат «городской житель в естественной среде обитания».

Решаю вопрос с накладной, разворачиваюсь к Семену, и тут Марк делает резкий шаг вперед, будто прорывая невидимый кордон.

— Скажите, а система ветеринарного учета у вас оцифрована? — обращается он к Игорю. Голос громкий, четкий, «презентационный». — Вижу, много бумажной работы. Есть простые решения, которые могут...

Игорь медленно, как бульдозер, поворачивает к нему голову. Жует щеку. Смотрит так, будто видит говорящую статуэтку.

— Это кто? — коротко бросает он мне, глядя поверх головы Марка.

— Гость Романа. Из Москвы, — отвечаю, не отрываясь от цифр в накладной.

— А, — понимающе говорит Игорь и тут же разворачивается обратно ко мне. — Так вот, насчет маркировки партии...

Но Марка задело это «а», краем глаза вижу, как его щеки покрываются легким пятнами, заметными даже на морозе.

— Я серьезно, — повышает он голос, переключаясь уже на меня. — Вы теряете кучу времени на рутину! Нужно просто структурировать данные, поставить элементарную CRM...

— Нужно, — перебиваю я его, наконец поднимая глаза,

— чтобы сегодня вечером, когда ударит минус сорок пять, в холодильнике с вакцинами было минус двадцать. А не плюс пять из—за того, что мы все тут CRM будем настраивать. Данные подождут.

Игорь фыркает, пряча усмешку в воротник. Слышу, как у грузовика водитель бурчит своему напарнику:

— Глянь, москвич очередной опять умничает. Все им с оптимизацией.

Марк замирает. Я вижу, как у него напрягаются скулы, будто он стискивает зубы. Пальцы в перчатках сжимаются в бесполезные кулаки. Чувствую, что сейчас будет взрыв. Либо язвительный, либо громкий.

Игорь, закончив, поворачивается к Марку.

— Ты чего тут, парень, мерзнешь? Мешаешь людям. Иди в контору, там тепло. Кофе, печенье, всякое там.

В его тоне простая констатация: ты тут лишний, твое место за стеклом, с цивилизацией.

Марк открывает рот. Глаза горят.

«Все, — мелькает у меня. — Щас устроит цирк. И мне все это разгребать».

Я кладу руку на папку, которую Игорь уже взял, приковывая его внимание.

— Игорь. Он гость. И пока он здесь, он под моей ответственностью. Все понятно?

Говорю ровно, без повышения тона, но так, что вопросов не остается. Игорь смотрит на меня, потом на Марка, пожи-

мает могучими плечами.

— Твое дело, Наталья Петровна. — И, кивнув, уходит, бросив на Марка последний, недобрый взгляд.

Марк стоит, дышит неровно, рвано. Из рта и ноздрей вырываются яростные белые клубы пара. Он смотрит мне прямо в глаза.

— Не нужно было меня... защищать перед ними, — цедит он сквозь зубы. Слово «защищать» дается ему с трудом, будто горькая пилюля.

Я делаю шаг к нему, сокращая дистанцию, для четкости.

— Я никого не защищала. Я объяснила правила. На моей территории мои правила. И их, — киваю на уходящих рабочих, — это тоже касается. Кабинет Романа — вон в том здании. Третий этаж, потом налево, дверь 343. Ключ в замке. Интернет есть. Столовая, — указываю на длинный барак, из трубы которого валит жирный, вкусный дым, — вон там. Кормят с двенадцати до трех. Проголодаетесь — милости просим.

Он смотрит на меня, переваривая. Вижу, как в его глазах идет борьба: блеснуть остроумием, сохранить лицо... или сдаться. Горло его двигается, он сглатывает. В итоге молча, резко кивает, разворачивается и идет к конторе. Поскальзывается на утоптанном снегу, ловко балансирует и, не оглядываясь, скрывается за дверью.

Я смотрю ему вслед. Только теперь позволяю себе выдохнуть глубоко, чувствуя, как напряженные мышцы спины и

плеч наконец отпускают.

«Ну вот. Посадила проблему в коробку. Теперь хоть работать можно».

Но раздражение не уходит. Оно, как жесткий комок, застряло под ложечкой. Теперь в моем внутреннем расписании появилась новая, раздражающая строчка: «Следить, чтобы москвич не наломал дров». Он чужой. Неудобный. И, черт возьми, не безнадежный. Вот что бесит. Когда он про свою CRM начинал, в глазах у него было не только «я умнее вас». Было любопытство. Такие опаснее всех. Они с горящими глазами наломают таких дров, что потом всем нам собирать.

Я завожу мотор, еду на дальний участок. Несколько часов аврала, криков, смеха, матерщины, быстрых решений. Тело ноет привычной, хорошей усталостью. Гляжу на часы — без двадцати два.

«Черт. А я сегодня даже не завтракала».

Мысль тут же отзывается урчанием в пустом желудке. В столовой сейчас уже не столпотворение, должны быть остатки. Гречка с тушенкой. Компот, густой, как сироп.

Я глушу мотор у барака. Из открытой форточки тянет запахом хлеба, лаврушки и чем—то сладким. И почему—то я снова вспоминаю о нем и злюсь. Не на него, а на себя — за то, что все это меня вообще волнует.

Глава 9. Марк

Кабинет Романа оказался точной копией его хозяина: добротный, просторный, деревянный и без единого лишнего украшения. Я закрываю дверь, и тишина обнимает меня, как родная. Вот он, признак цивилизации — четырехстенная конструкция с потолком.

На огромном столе под стеклом лежит лист А4 с целым архивом: логин и пароль от вайфая, пароль от компьютера, расписание работы столовой и даже схема, как не заблудиться между ангарами. Якут, ты предсказуемый гений. Уверенность, теплой волной, начинает разливаться от плеч к кончикам пальцев. Я в своей стихии.

Включаю ноутбук. Первым делом просматриваю новости – уже лучше. История про «КиберВосторг» съехала со второй страницы на пятую. Взамен появились дикие теории: «Гендиректор Власов улетел от проблем в Дубай!» и «Правда ли, что глава IT—гиганта сбежал в Беларусь?». А вот и ток—шоу «Честный понедельник» уже выпустило сюжет с хлестким названием «Роботы—шпионы: фиаско или заговор?». Я щелкаю, смотрю пару секунд на свою мутную фотографию со зловещим фильтром и закрываю вкладку. Фу. Даже зубы сводит.

Гораздо приятнее открыть приложение с камерами на производстве. Вот он, бальзам на сердце. Цех сборки: все на

местах, конвейер движется. Отдел тестирования: народ копошится. Я переключаюсь на камеру в кабинете разработки. Отлично, как раз планерка. Включаю звук.

«...основная причина — криво зашитый сторонний модуль для распознавания лиц, — доносится голос ведущего инженера, Саши. — Он при определенных условиях начинал кэшировать не те данные и отправлять их в лог, который почему—то оказался внешним. Идиотизм, но наш.

— Значит, задача первая: выпилить этот модуль у всех в разработке, заменить своим, — это уже говорит Лена, мой зам.

— А задача вторая — создать «заплатку» для уже выпущенных роботов. Авто обновление. Самый щадящий вариант.»

Я откидываюсь в кресле, и плечи сами собой расправляются. Ребята справятся. Я в них верю. А еще я верю, что сейчас мне позвонит кто—нибудь и скажет, что все это страшный сон.

Как по заказу, телефон в кармане трясется, вибрирует и пищит так, будто его месяц держали в клетке без малейшего сигнала, а теперь выпустили. Уведомления посыпались водопадом: пропущенные звонки, сообщения, уведомления. Я быстро пролистываю, задержавшись лишь на одном от Лены, отправленном еще в день моего прилета: «Марк, есть две новости и обе плохие. Нам не увеличили срок на исправление. И вторая: с «Честного понедельника» звонили, хотят

снять ток—шоу. Приглашали сотрудников. Юра Толстый согласился».

Срок не увеличили. Ну и черт с ним, неделя еще есть. А вот Толстый... вечно ноющий интриган из отдела маркетинга. «Согласился». Ну держись, Юра. Приеду — первым делом уволю с таким рекомендательным письмом, что ты потом дворником не устроишься.

Я нахожу в контактах юриста и набираю.

— Влад, это я. Говори, что там.

— Марк! Слава Богу! Со «шпионажа», слава богу, сняли. Пока формально — «недостаточно данных». Но копы теперь ломают над «нарушением обработки персональных данных». Это полегче, но тоже...

— Понял, — перебиваю я. — Борешься дальше. Главное, что не шпионаж. Уже прогресс.

Откладываю трубку — снова звонок. Артем Лагутин. Старый друг, который недавно нашёл свою «ту самую» и теперь ходит, сам на себя не похожий, будто боится спугнуть своё счастье. А он у нас был записан в вечные холостяки.

— Марк! Ты где, черт возьми? Пропал! Не дозвониться!

— Я там, куда вы с Якутом меня сослали, Артем. В Сибири.

— А я—то причём? Решение ты принимал сам. Ну как тебя там хорошо встретили? — в его голосе слышатся и смех, и неподдельный интерес.

— Встретили. Если считать, что «хорошо» — это минус

сорок за окном, дом без интернета и стратегический запас сала в холодильнике.

— Сало! — залился он смехом. — Ну, а чего такой недовольный? Красота же!

— Красота. Еще и собака тут есть. Размером с небольшой внедорожник. А я, напомним, с детства не в восторге от этих пушистых друзей человека.

— Собака! Да ты в сказке живешь, Власов! — он хохотал так, будто я рассказал лучший анекдот в его жизни. — Ладно, держись там. Вернешься, будет что вспомнить.

— Обязательно, — бормочу я. — Вспомню. И даже кое—кому припомню. Как Вера?

— Марк, не хочу обсуждать. Я счастлив и боюсь даже думать об этом. Боюсь сглазить. Из главного, моя Снегурочка со мной и мы решили оставить енота себе.

— Ха! Он вам попьет еще кровушки. Но я рад за вас.

Разговор закончился. Я смотрю на телефон, а в голове крутится одна мысль. Нужно позвонить Роману. Спросить, где он тут, черт возьми, продукты нормальные покупает.

Я набираю Романа по видео. Соединение устанавливается мгновенно. Хорошо, что хоть что—то тут работает, как надо.

Роман отвечает почти сразу. На экране — мой диван, мой умный дом. И Роман посреди этого всего, в джинсах и рубашке, будто тут всегда жил. Только лицо у него какое—то... потрепанное. Как будто он не спит вторые сутки.

— Ну? — говорит он, прищурившись. — Жив, герой Арк-

тики?

— Я сейчас буду орать, — предупреждаю я спокойно, чувствуя, как тепло злости начинает растекаться от груди к горлу. — Просто чтобы ты знал.

— Давай, — кивает он, откидываясь на спинку моего дивана. — Я как раз собираюсь на встречу. Минуты три могу выдержать.

— Ты... — я делаю глубокий вдох, будто перед прыжком. — Ты не предупредил меня о СОБАКЕ.

На том конце наступает короткое, виноватое молчание.

— Байкал? — осторожно спрашивает Роман.

— Байкал, — говорю я с ледяной сладостью. — Милейшее создание. Весом под центнер. С которым, как я выяснил, очень полезно совершать утренние прогулки на собственной спине. Спасибо за кардиотренировку.

— Значит, Байкал тебя принял, ты ему понравился. Он чужих так не катает.

— О, как мило! — голос мой срывается на сарказм. — Значит, это знак высшего доверия? Лечь лицом в снег и прокатиться на собачьей тяге? Спасибо, тронут! А еда, Ром?! У тебя в холодильнике сало, лук и кусок мяса, похожий на артефакт ледникового периода. Я что, по—твоему, пещерный человек?!

— Это все очень полезно.

— Особенно сало! Я не трактор, Ром.

— А чего ты хотел? Рябчиков и низкокалорийных йогур-

тов? — улыбается Роман. — Тут же...

— Я хотел предупреждения! — перебиваю я, с силой проводя рукой по лицу. — Или, на худой конец, инструкцию «Как не умереть с голоду в доме дикаря».

Я смотрю в потолок кабинета, пытаюсь собраться. Потом опускаю взгляд обратно на экран.

— Ладно. Сало переживем. Но дальше — женщина. Ты где ее взял?

— Наташа? — Роман оживает, его усталое лицо на миг освещается улыбкой. — Ну как, познакомились? Золотой человек, правда?

— Золотой, — соглашаюсь я. — Если золото отлито в форме ледоруба. Это не человек. Это робот без эмоций и без жалости. Она на меня смотрит, как на бракованную деталь. Она милейшая. Настоящее северное солнышко.

Роман громко смеется уже своим, обычным, грудным смехом, который я слышу даже через динамик.

— Понравилась, значит? Я же говорил — характер!

— Характер — это мягко сказано. У нее, я уверен, в детстве вместо игрушек были гвозди и инструкция по сборке трактора. Она меня ненавидит.

— Не—ет.

— Она меня презирает.

— Марк, — Роман чуть наклоняется к экрану, и я вижу, как у него дрогнул уголок глаза, — если бы она тебя презирала, ты бы сейчас звонил из морга. Или не звонил вообще.

Я молчу, глотая ответ. Злость потихоньку сменяется знакомой усталостью.

— Я зол, Якут, я очень зол, — бурчу я, постукивая пальцами по столу. — А ты там как? Освоился?

— Освоился?! — он срывается на смешок, похожий на хрип. — У тебя тут кондиционер живет своей жизнью. Он только что назвал меня «уважаемым пользователем» и предложил обсудить погоду. ОБСУДИТЬ! Марк, он мне предложил.

Я замираю. Уголок рта сам собой дергается вверх. Возмущение внутри меня мгновенно стихает, потому что тот, кто привык командовать оленями и тракторами, попал в лапы моего умного дома.

— Ну, он вежливый, — говорю я, стараясь сохранить серьезность. — Просто скажи «нет, спасибо».

— Я ему сказал, — голос Якута звучит так, будто он на грани. — Я ему сказал: «Отстань, железка!» А он ответил: «Понял вас. Буду стараться меньше беспокоить». И затем скинул мне на телефон ссылку на статью про стресс. Марк, твой дом пытается меня психологически консультировать!

Я не могу сдержаться. Короткий, хриплый смешок вырывается у меня. Я представляю эту картину: двухметровый Якут, который одним взглядом заставляет замирать цех, стоит посреди моей гостиной и ведет переговоры с кондиционером.

— Это фишка, — объясняю я, вытирая ладонью внезапно

навернувшиеся слезы от смеха. — Он учится. Дай ему неделю, он поймет, что ты не нуждаешься в светских беседах.

— Неделю?! — почти кричит он, и на экране видно, как он зажмуривается. — Марк, я тут вторые сутки! Мозг уже плавится! А этот... это кожаное чудовище!

— Кот? Цербер?

— ЛЫСЫЙ КОТ, Марк! Лысый и злой. Он ходит за мной по пятам и смотрит, не моргая. Как будто оценивает, насколько я годен в пищу. Я утром проснулся, а он сидит на тумбочке и смотрит. Я чувствую себя на обеденном столе.

Мое раздражение по поводу сала, собаки и Натальи тает, как снег на печке.

— Но с котом—то я справлюсь... надеюсь, — говорит Якут, и в его голосе звучит настоящее страдание. — А что мне делать с соседкой твоей? Она... ей лет восемнадцать, Марк!

— Не надо с ней ничего делать, — отвечаю я, снова едва сдерживая смех. — Хорошая девчонка, светлая. Кота кормит, когда я в отъезде. А что с выставкой? Удачно все складывается?

— Да я пока сосредоточиться не могу. — рычит он. — Я не могу тут находиться. Тут все пищит, мигает, разговаривает. Холодильник предлагает рецепты. Кофеварка спрашивает про мое настроение. Туалет... Марк, я вообще молчу про туалет с подогревом и музыкой! Это вообще, что такое?! Я приехал на выставку, а попал в психоделический кошмар!

И мне внезапно становится дико весело.

— Значит, мы официально обменялись адом, — говорю я, чувствуя, как последняя капля злости испаряется.

— Временно, к счастью, — поправляет он. — Главное, с ума не сойти.

Я выдыхаю, и выдох получается легким, почти свободным.

— Ладно, давай. Но если твоя Наталья еще раз посмотрит на меня, как на идиота...

— Значит, есть за что, — пожимает он плечами, и на его лице появляется знакомая, спокойная усмешка. — Давай, Марк. Я побежал. Если что, ты знаешь, где сало.

Экран гаснет. Я смотрю на свое отражение в темном стекле кабинета и впервые за день чувствую, как губы сами растягиваются в усмешку.

— Отлично, — говорю я сам себе. — Просто отлично.

У меня — мороз, собака, сало и женщина—робот. А у него — умный дом, лысый кот и сумасшедшая соседка. Мы квиты. И, черт возьми, это справедливо.

Один—один, Якут.

Настроение поднялось, а значит, пора пообедать. Я выхожу из офиса и ныряю обратно в морозный воздух. Ветер утих, но запах снега и дыма стал только гуще. Впереди тот самый барак—столовая, из трубы которого валит самый соблазнительный здесь пар. Желудок отзывается на этот запах резким, требовательным урчанием.

Захожу внутрь. Тепло, шумно, пахнет едой. Стою с подносом и сканирую раздачу. Это целый арсенал северной кухни. В огромных металлических емкостях:

Строганина, гуляш из оленины, похлебка из дичи, гречка, конечно, и макароны. Отдельный стол, святая святых: сало разной степени солености и репчатый лук.

Я вздыхаю, но это вздох капитуляции. Ставлю на поднос похлебку, гуляш с макаронами и кисель. И, как финальный аккорд этой симфонии выживания, кладу увесистый ломоть сала и целую луковицу. Пусть будет.

Впереди касса. Женщина лет пятидесяти в клетчатом фартуке с уставшим, но бдительным лицом. Рядом с ней, прикрепленное скотчем к стеклу, красуется объявление, напечатанное на обычном листе А4.

«Оплата — ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ»

Я замираю. Поднос вдруг становится невыносимо тяжелым в моих руках. Я смотрю на эти буквы, и мозг отказывается их обрабатывать. Наличные. Наличные. Я держал в руках бумажные деньги... когда? Год назад? Два? Для этого есть карты, телефоны, часы. Весь мир.

Парень передо мной, с руками, по локоть в смазке, легко швырнул на стойку смятые купюры, взял свой поднос и растворился в шуме зала. Его мир работал. Мой — завис.

Вспыхивает яркое желание просто швырнуть этот дурацкий поднос на пол, чтобы макароны и сало разлетелись по всему полу в знак протеста против этого каменного века. Я

даже чувствую, как напряглись мышцы предплечья. Я сглатываю, в горле пересохло.

— Что, милоч, с деньгами туго? — беззлобно, по—матерински спрашивает кассирша.

Я открываю рот, чтобы сказать что—то умное, но звук не идет. И в этот момент краем глаза я замечаю ее...

Глава 10. Марк

— Карты не принимаете? — спрашиваю я спокойно.

— Не принимаем, вот же написано — отвечает женщина в клетчатом фартуке ровным голосом. — Только наличка.

Я автоматически тянусь к телефону. Это уже отточенная привычка, если не карта, то перевод, QR—код... Идиотизм. Связь есть, а терминала нет. Архитектура реальности, где все есть, кроме смысла.

— Занесу позже, — говорю, чувствуя легкий приступ клаустрофобии. — Сейчас без бумажника.

— Да ладно, иди кушай, — она машет рукой, будто отмахиваясь от мухи. — Завтра принесешь.

Я стою как вкопанный. В моем мире так не бывает. Нет денег — нет услуги. Точка.

— Вы меня даже не знаете, — произношу я, пытаюсь до нее достучаться.

— А что тебя знать? Ты же с Натальей Петровной.

Так вот в чем логика местной бухгалтерии. Статус передается не по визитке, а по факту, с кем ты вошел в помещение. Примитивно и раздражающе.

Я беру поднос и иду к столику Натальи. Она сидит у окна. Свет падает сквозь мутное стекло, выхватывает линию скулы, тень от ресниц. Перед ней тарелка с гречкой и тушенкой. Она ест спокойно, не торопясь, как человек, которому

не нужно никому ничего доказывать и который знает точную стоимость своего времени.

Она видела весь спектакль на раздаче. Конечно, видела. Я ставлю поднос напротив, пластик глухо стучит о дерево стола. Она поднимает взгляд.

— Наличные для вас уже экзотика? — спрашивает она, не поднимая глаз с тарелки.

— Вымирающий вид, — сажусь напротив. — Не думал, что вернусь в девяностые с их культом барсеток.

— В моем мире наличные не вымирали, — говорит она просто.

Я пробую похлебку. Густая, наваристая, с крупными кусками мяса. Это злит больше всего.

— Вы могли предупредить, — говорю, глядя в тарелку.

— О чем? — в ее голосе искреннее удивление.

— Что здесь не принимают карты. Что я вернулся в каменный век.

Она медленно кладет вилку параллельно краю тарелки.

— Вы взрослый человек, Марк. Предполагается, что взрослые иногда думают наперед.

— Я привык, что система работает.

— Она и работает, — пауза, — просто не по вашим правилам.

Я отламываю хлеб. Злость начинает пульсировать где—то под ребрами. Она такая... неприступная, как ледник.

— Интересно, — начинаю я, и тон выходит колючим, —

вы так и сына воспитываете? В этой парадигме полного... самообеспечения?

Она замирает. На секунду в ее глазах появляется что—то острое, почти животное.

— Да, — говорит она тихо.

— И отец, — лезу я дальше, уже зная, что перехожу черту, но не могу остановиться, — он как? Участвует в этом... воспитании?

Молчание. Она не дышит. Потом выдыхает одним словом:
— Нет.

Вот и весь пазл. Все сама. Контроль до последней пуговицы. Мужчина в такой системе — лишняя переменная.

— Понятно, — произношу я, и сам слышу, как в этом слове больше диагноза, чем вопроса.

Она слышит. Поднимает на меня холодный взгляд. От этого становится не по себе.

— Что именно вам понятно? — в ее голосе теперь появляется металлическая нота.

— Теперь ясно, почему вы все держите на расстоянии, — не удерживаюсь я.

— Что именно?

— Людей.

Уголок ее рта дергается.

— А вы, Марк, привыкли, чтобы женщины были... удобными? Чтобы нуждались в вашем руководстве? В вашем одобрении?

Это попадание в цель. В яблочко. Я чувствую, как сжимаются челюсти.

— Я привык к партнерству, а не к осаде крепости.

— Вы делаете выводы слишком быстро, Марк. Здесь это может стоить дорого., — говорит она, и в ее голосе впервые пробивается не усталость, а что-то хрупкое. Раздражение? Боль?

— А вы даете шанс узнать? — бросаю я.

Между нами повисает густое, колючее молчание. Шум столовой отдаляется, будто нас накрыли стеклянным колпаком.

Наталья встает, достает из кармана связку ключей и бросает ее на стол передо мной.

— Машина Романа Серая «Тойота». Стоит у третьего корпуса, пользуйтесь.

— Почему только сейчас? — спрашиваю я, не отрывая глаз от ключей. — Раньше нельзя было?

— Не считала нужным. — ее голос снова ровный, отстраненный.

— Интересный у вас способ вводить гостей в курс дела., — говорю я, и это звучит как детская обида.

— Я не ввожу, я наблюдаю, — констатирует она. — Банкомат во втором корпусе. Магазин за мостом, работает до семи.

Она медленно надевает перчатки.

— Дорогу назад найдете?

— Найду, — отрезаю я.

— Хорошо. Мне за сыном.

Она разворачивается, чтобы уйти.

— Вы всегда так... обрываете? — спрашиваю ей в спину.

Она замирает. Поворачивает голову ровно настолько, чтобы я увидел ее профиль.

— Я не люблю пустых разговоров. Когда есть дело, его делают. Когда его нет — какой смысл?

И она уходит, не оглядываясь.

Я беру ключи в руку. Металл холодит ладонь сильнее, чем мороз за окном. Еда остывает.

А я вдруг понимаю, что сказал больше, чем хотел. И услышал меньше, чем мог.

Глава 11 Наталья

Я иду к машине и каждый шаг отдается в голове. Внутри меня все кипит. Горячая, глухая злость, которая поднимается из самой глубины, откуда появляется крайне редко.

Этот невыносимый москвич, с его умным взглядом и дурацкими выводами. «Понятно, почему вы такая». Как он смеет? Он меня не знает. Не знает, как я ночи не спала, принимая сложного олененка. Не знает, как вытаскивала из стойла старую Ягодку, когда у той отказали ноги. Не знает, что я спасла его друга Романа от банкротства, когда пришла сюда три года назад и навела порядок в ветеринарной службе. Он ничего не знает! А уже все понял, все решил. Самодовольный, самоуверенный...

Я с силой открываю дверь машины и сажусь за руль. Сжимаю руль изо всех сил, вкладывая все свое негодование. Дышу ровно и глубоко. Морозный воздух обжигает легкие, но не гасит огонь внутри.

Нужно за Ваней, эта мысль возвращает меня в реальность и вытягивает из водоворота гнева. Ванечка уже ждет. Он самое важное, что у меня есть в жизни. Он и есть моя жизнь. А этот Марк... временное недоразумение.

Завожу мотор и еду по укатанной дороге к поселку. И тут телефон оживает на панели от звонка.

— Наталья Петровна, на дальнем стойбище у Семена Чин-

гиса проблема. — Голос пастуха, Алексея, срывается от ветра. — Наш лучший племенной самец, Чемпион, с утра лежит, не встает. Живот вздут, дыхание тяжелое. Семен говорит, похоже на заворот. Температура падает.

Лед пробирается вдоль всего позвоночника. Заворот кишок у оленя. Да еще у самца—производителя, главной ценности стада. Это не просто проблема — это катастрофа, если не успеть. Счет идет на часы, а потом и на минуты. Там, на дальнем стойбище, нет ни оборудования, ни навыков для полостной операции. Только я.

— Колете спазмолитик? Перенесли в тепло? — автоматом спрашиваю я, уже прокручивая в голове список того, что нужно взять с собой: набор для экстренной лапаротомии, антибиотики, растворы...

— Кодем, перенесли. Но ему хуже, Наталья Петровна. Очень хуже.

Черт. Семен не юнец, но ночь в такую погоду в чистом поле... Это риск. Большой риск.

— Кто рядом? Кто может помочь?

— Все бригады либо на линии, либо только вернулись, направляются. Ближайшие свободные — через три часа минимум.

Три часа. А до темноты — четыре. И каждый час для Чемпиона может стать последним. Ванечка... Ваню нужно забрать сейчас. Я быстро соображаю. Галина Сергеевна? Соседка, которая иногда сидит с ним. Набираю ее номер.

— Галя, ты где? Мне срочно нужно...

— Наташ, милая, я в Якутске! — перебивает она. — У внучки маленькая температура, я на пару дней приехала помочь. Ты как? Ваня?

Все. В голове пустота. Все варианты, все запасные выходы, как по закону подлости, один за другим гаснут. Ребенка оставить не с кем. От слова — совсем.

И тут, как назло, из самого темного угла подсознания выползает неприятная и скользкая мысль, от которой мороз по коже.

Марк.

Нет. Ни за что. Абсолютно нет. Я даже озвучиваю это вслух в пустом салоне, чтобы прогнать идею:

— Не может быть и речи.

Но мысль не уходит. Она обрастает аргументами, как ледяной ком. Он сейчас в теплом кабинете. Он не пьян, он не псих. Он, конечно... нелепый. Безответственный? Возможно. Но явно не злонамеренный. Роман доверяет ему свой дом, называет его надежным парнем. И... он не выглядит тем, кто обидит ребенка. Скорее тем, кого ребенок заткнет за пояс в словесной перепалке.

Это плохое решение, даже отвратительное. В животе холодеет, будто я проглотила кусок льда. Оставить сына с чужим мужчиной. С тем, который вчера не смог справиться с печкой.

Меня подташнивает от одной мысли, но вариантов нет.

— Не на сутки, — говорю я себе жестко, вслух, устанавливая правила. — На два часа максимум. Я доеду, прооперирую, и сразу назад. Он будет в кабинете. Рядом люди, целая бригада. Если что, любой из наших подстрахует, заглянет.

Это звучит уже почти убедительно. Я не оставляю Ваню одного с ним. Я оставляю его в охраняемом рабочем комплексе, где десятки людей, которые знают и меня, и его. А Марк... будет просто формальным взрослым в комнате рядом. В роли сиделки. Дорогой, раздражающей, но временной сиделки.

Я выдыхаю, решение принято. Оно мне не нравится, оно противно каждой клетке моего материнского существа, но другого у меня сейчас нет.

Забираю Ваню из садика. Сегодня он особенно оживленный, розовощекий, пахнет детством и печеньем.

— Мама, а мы сегодня будем лепить из пластилина?

— Позже, солнышко. Сначала тебе нужно немного побыть у меня на работе. Там будет... один дядя. Он с тобой посидит.

— Какой дядя? — Ваня смотрит на меня большими глазами.

— Дядя Марк из Москвы. Друг дяди Ромы.

— Тот, что с Байкалом гулял? — глаза у Вани становятся круглыми от восторга и любопытства.

— Да, тот самый. Ты будешь сидеть с ним в кабинете дяди

Ромы, рисовать. А я быстро съезжу по делу и вернусь.

Я стараюсь говорить максимально спокойно, но внутри все сжато в тугую, болезненный узел.

Везу Ванечку обратно в «АрктикАгро». Веду за руку в кабинет Романа. Марк сидит за компьютером, на экране какие—то графики. Он поднимает на нас взгляд, и в его глазах — сначала удивление, потом мгновенная оценка ситуации. Умный, черт бы его побрал. Он все понимает без слов.

— Марк, — начинаю я, не давая ему заговорить первым. — У меня экстренный вызов на дальнее стойбище. У оленя заворот. Ребенка оставить не с кем. Вы побудете с ним? Не больше двух часов.

Марк медленно откидывается в кресле, его брови ползут вверх.

— Я... с ребенком? — он произносит это так, будто я попросила его провести операцию на сердце.

— Он будет рисовать. Вам нужно только быть в этом кабинете. Если что, за стеной полно людей. — Я ставлю на стол Ванин рюкзак с красками и блокнотом. — Ваня, веди себя хорошо. Я скоро.

— Наталья, — голос Марка звучит слишком спокойно. — А почему ехать должны именно вы? Разве у вас нет смены, помощников? Как говорят, незаменимых людей нет.

От этих слов меня будто обжигает. Он не понимает. Не понимает ничего. Ни про ответственность за жизни, которые от тебя зависят, ни про то, что ты не просто «сотрудник»,

а последняя инстанция, когда на кону смерть живого существа.

Я не отвечаю сразу, просто долго смотрю на него.

— Для этого оленя, — произношу я медленно, — я незаменима. И если я не поеду, он умрет.

Я вижу, как он сжимает губы. Хочет парировать, но Ваня тянет его за рукав:

— Дядя Марк, а вы умеете рисовать оленей?

Марк смотрит на мальчика, потом на меня. В его глазах полная беспомощность, и что—то еще... раздражение, смешанное с вызовом.

— Хорошо, — говорит он наконец. — Два часа мы рисуем оленей.

Я наклоняюсь, целую Ваню в макушку, чувствуя, как сердце разрывается на части.

— Слушайся дядю, — шепчу ему. — Я очень быстро.

И ухожу, не оглядываясь. Потому что, если обернусь и увижу большие, доверчивые глаза сына, ноги прирастут к полу.

На улице уже заметно стемнело. Ветер крепчает, тянет с севера, предвещая недоброе. Я завожу УАЗ и выезжаю на трассу. В радиоэфире диспетчер передает: обещают усиление ветра до штормового, снегопад, пургу к ночи.

«Успею, — упрямо думаю я, прибавляя газ. — Прооперирую и сразу назад. Точно успею, не в первый раз».

На дальнем стойбище все оказывается хуже, чем я ожи-

дала. У Чемпиона не просто заворот, а заворот, осложненный перитонитом. Операция в полевых условиях, при свете керосиновой лампы и в стужу, затягивается. Я работаю на автомате: разрез, поиск перекрученного участка кишки, резекция, анастомоз, промывание брюшной полости. Каждая минута на вес золота, и не только для оленя.

Когда я накладываю последний шов и ввожу антибиотик, небо уже становится свинцово—черным. Снег идет не хлопьями, а колючей, горизонтальной метелью. Настоящая, нешуточная пурга.

— Наталья Петровна, оставайтесь ночевать, — уговаривает меня Семен Чингис, указывая на теплую ярангу. — До поселка сейчас — самоубийство. Дорогу уже за полчаса замело так, что и на оленях не пройти.

— Я проскочу, — говорю я, уже упаковывая инструменты. Голос звучит хрипло от усталости. — Мне нужно обязательно вернуться. Там ребенок остался.

— Да позвоните, предупредите! Пусть переночует у пастухов...

— Не уговаривайте, — перебиваю я его. — Я проскочу, Семен. Не в первый раз.

Он качает головой, но не спорит. Здесь все знают мой характер. Знают, что переубеждать бесполезно.

Я выезжаю на трассу. Вернее, на то, что было трассой три часа назад. Теперь это просто белая равнина с едва угадывающейся колеей. УАЗ ревет, продираясь сквозь снежную ка-

шу. Видимость метров пятьдесят, не больше. Фары выхватывают из мрака только бешеный круговорот снежинок.

Я еду, стиснув зубы. В голове только одна мысль — Ваня. Надо позвонить. Протягиваю руку к телефону — нет сети. Это ожидаемо.

Рация. Нужно попробовать вызвать диспетчера на базе. Где рация? Я смотрю на привычное место между сиденьями — пусто. Черт! В спешке, когда оставляла Ваню и хватала хирургический набор, не забрала рацию из своего служебного УАЗ, который сейчас стоит в гараже. А в этом, личном, рации нет. Идиотизм. Непростительная халатность.

Я бью ладонью по рулю. Холодное отчаяние подползает к горлу. Я одна в пургу без связи А впереди еще километров двадцать самого тяжелого участка, где дорогу всегда заносит в первую очередь.

«Ничего, — бормочу я себе под нос, как мантру. — прорвемся. На секунду я вижу картинку: УАЗ, занесенный по крышу. Ваня ждет. Я моргаю. Нет. Не сегодня.»

Машина идет, буксует, срываясь в рыхлый снег с колесных арок. Я вожу баранкой из стороны в сторону, пытаюсь поймать жесткое дно. Двигатель воеет на пределе.

И вот впереди новый перемет. Не просто сугроб, а целая снежная дюна, наметенная поперек дороги ветром, высотой по капот.

Я разгоняюсь и врезаюсь в него. УАЗ взрывает снежную массу, проходит метр, два и замирает. Колеса беспомощно

воют, роя ямы в пушистой белизне. Назад, разгон — еще попытка. Та же история. Застряла намертво.

Я сижу в кабине, слушая вой ветра. Прошло намного больше двух часов. Наверняка прошло.

Я глушу двигатель, чтобы не тратить топливо. В наступившей тишине вой пурги кажется оглушительным. Темнота сгущается.

Наталья, главное, без паники. Паника в таких ситуациях — смерть.

Я открываю дверь. Ветер с силой врывается внутрь, забивая лицо и глаза ледяными иглами. Иду к багажнику. Там, под запаской, лежит старая, но крепкая армейская лопата. Я беру ее в руки. Ледяной металл, даже через перчатки жжет кожу.

Ну что ж. Значит, будем копать. Просто нужно откопать.

Глава 12. Марк

Дверь за Натальей закрывается, и в кабинет становится тихо. Слышно только легкое сопение мальчишки, который смотрит на меня огромными синими глазами, как будто я экспонат в музее.

Меня практически назначили нянькой для ребенка. Я даже в страшном сне себе такого не мог представить. Что мне с ним делать два часа? Всего два часа. Какой—нибудь созвон, пара писем, и время пролетает, как один миг. Но ребенок не созвон. Он живой, он смотрит, он требует внимания.

— Дядя Марк, — говорит Ваня, не отводя взгляда. — А вы правда из Москвы?

— Да, — киваю я, стараясь сделать лицо дружелюбным. — Правда.

— А в Москве есть олени?

Вопрос ставит в тупик. Я представляю себе оленя на Тверской в час пик.

— Нет, Ваня, в Москве олени... только в зоопарке. Или на картинках.

— Жалко, — вздыхает он искренне. — Они красивые.

Он подходит к рюкзаку, достает свой блокнот и цветные карандаши. Садится на пол, скрестив ноги по—турецки, и начинает что—то выводить. Я пытаюсь вернуться к графикам, но взгляд упрямо скользит к его склоненной голове. Че-

рез пару минут он поднимает блокнот.

— Смотрите!

На листе кривоватый, но узнаваемый контур оленя с огромными рогами. И рядом квадратный человечек в очках.

— Это кто? — спрашиваю я, хотя догадываюсь.

— Это вы! Вы москвич. У вас очки.

У меня нет очков, но, видимо, в его мире все москвичи в очках. Я улыбаюсь искренне впервые за день.

— Отлично нарисовал.

Он светится от похвалы. Потом, не глядя на меня, спрашивает:

— А папа у вас есть?

Вопрос простой, но он повисает в воздухе. У меня есть отец. Он строгий, далекий и вечно недовольный. Мы не разговариваем годами, и я научился не думать об этом.

— Есть, — говорю я. — Но он далеко.

— Мой папа тоже далеко, — сообщает Ваня, концентрируясь на раскрашивании оленьих копыт. — Он на облаке.

Я замираю. «На облаке» — детская метафора, но от нее по коже пробегает холодок.

— На облаке? — осторожно переспрашиваю я.

— Угу. Мама говорит, что он теперь всегда с нами. Смотрит с самого красивого облака и оберегает. Иногда я с ним разговариваю, когда мамы нет дома.

Все внутри переворачивается. Я вдруг ясно вижу: я был неправ. И это неприятнее любого мороза.

Мне стыдно, физически стыдно.

— Твой папа, наверное, очень хороший был, — тихо говорю я.

— Самый лучший, — уверенно кивает Ваня. Потом его внимание переключается на мой телефон, лежащий на столе. — Ой, а что это у вас? Можно посмотреть?

Он подходит, и я вижу в его глазах не просто детское любопытство, а настоящий, жадный интерес. Я показываю. Ваня с легкостью управляет с интерфейсом, который многим взрослым не под силу. Его вопросы точные, по делу: «А это что за программа?», «А как тут видео снимать?», «А вы по нему карту можете посмотреть?». Мальчишка очень смысленный. И ему голодно до знаний, до технологий, до другого мира. Он такой же, каким был я в его возрасте.

Я рассказываю, показываю простые приложения. Он впитывает все, как губка. И в этот момент я замечаю движение за окном. Не обычное, деловое, а какую—то суету. Мужики у одного из ангаров собрались в кучу, что—то оживленно обсуждают, показывают куда—то в сторону дороги.

Что—то не так.

— Ваня, одевайся. Пойдем, посмотрим, — говорю я, чувствуя легкое беспокойство.

Мы выходим. Мороз бьет в лицо. У ангара действительно кучка рабочих, лица напряженные. В центре Игорь, который утром меня игнорировал.

— В чем дело? — спрашиваю я, подходя.

Игорь бросает на меня короткий взгляд, но на этот раз в нем вместо презрения озабоченность.

— Генератор на насосной станции заглох. Аварийная ситуация. Если воду не качать, трубы в коровниках замерзнут за час. Ремонтники в такую погоду не доедут.

Я подхожу ближе. Знакомый вид: дизельный генератор, чей—то старый, выдавший виды «японец». Мужики ломают голову — то ли топливный насос, то ли завоздушило.

— Дайте посмотреть, — говорю я, снимая перчатку. Годы возни с техникой в студенчестве, в гараже у друга, не прошли даром. Я не гений—механик, но логику систем понимаю. — У вас тут, кажется, не насос, а в топливном фильтре вода замерзла. Его нужно отогреть и продуть.

Смотрю на их лица. Сначала недоверие, потом проблеск интереса. Через десять минут, с помощью паяльной лампы и их умелых рук, мы оживляем железного монстра. Генератор с рычанием заводится. Игорь хлопает меня по плечу — тяжело, по—мужски.

— Ну ты даешь, москвич. Глядишь, и пригодиться можешь.

В этот момент из проходной выбегает еще один работяга, лицо белое.

— Ребята! Наталья Петровна на связь не выходит! Порации молчит, телефон не в сети! А по дороге на Чингисово стойбище уже полноценная пурга началась!

Воздух вокруг сгущается. Все лица сразу становятся ка-

менными.

— Зря она поехала, — хрипло говорит Игорь, глядя в свинцовое небо. — В такую погоду — самоубийство. Пурга — штука страшная. Каждый год кого—нибудь да забирает.

— А у нее радики в личной машине нет, — добавляет кто—то. — Она в служебной забыла, я видел.

— Машину запросто может в кювет сдуть, или в сугробе закопать по крышу. А ночь на подходе...

Я слушаю, и холодный ужас начинает медленно заполнять меня изнутри. Это не просто «опоздает». Это реальная опасность. Смертельная опасность.

Ваня, прижавшийся к моей ноге, тянет меня за куртку. Его голосок тонкий, испуганный:

— Дядя Марк... а мама умрет, да?

Этот вопрос бьет сильнее любого мороза.

— Нет! — говорю я резко, слишком резко, на грани паники. — Конечно, нет!

Я поворачиваюсь к мужикам.

— Что делаем? Вызываем МЧС? Поедем навстречу?

Игорь смотрит на меня с какой—то усталой, горькой усмешкой.

— МЧС? Они в такую погоду и вертолет не поднимут. А на машине ты и пятидесяти метров не проедешь. Только снегоходом можно попробовать пробиться. Но это тоже русская рулетка. Ты в пурге хоть раз был?

— Нет, — честно признаюсь я. — Но у меня в Москве

снегоход есть. Я хорошо управляю. Дайте мне снегоход, карту и координаты. Я сам поеду.

На меня смотрят, как на сумасшедшего.

— Ты что, парень, дурак? — говорит один из старших. — Тебя же первого и приберет. И Наталье не поможешь, и сам сгинешь. Ждать надо. Она не лыком шита, выкрутится.

— Ждать?! — голос мой срывается. — А если не выкрутится? Просто пожать плечами? Отличный план. Дайте мне чертов снегоход!

Между нами вспыхивает короткая, яростная перепалка. Они — голос опыта и фатализма. Я — голос паники и неприятия этой ледяной, беспомощной логики. В итоге Игорь, плюнув, вытаскивает из кармана ключ.

— Ладно, герой. Умрешь — сам виноват. Снегоход «Буран» в третьем боксе. Рация там же, на зарядке. Карта в планшете на руле. Экипировку там же найдешь. Но если через полчаса не выйдешь на связь, найти тебя шансов ноль. Ты это понимаешь?

Я хватаю ключ. Ощущение холодного металла в ладони проясняет мысли. Да, это безумие, но сидеть и ждать, пока эта женщина, которую я сегодня так несправедливо судил, возможно, борется за жизнь — это хуже безумия. Это трусость.

— Ваня, — присаживаюсь я перед мальчиком. — Я поеду искать маму. Ты побудешь с тетей в столовой, хорошо? Я ее быстро найду и привезу.

Он смотрит на меня, и в его глазах не детский страх, а какая—то взрослая, страшная надежда. Он кивает, не в силах вымолвить слово.

Я отвожу его к поварихе, которая уже все поняла по нашим лицам. Она без лишних слов берет Ваню за руку.

— Иди, милоч. Бог в помощь.

Я киваю, разворачиваюсь и иду к гаражному комплексу. Ветер воет, снег бьет в лицо, как дробь. Сердце колотится где—то в висках. Страшно. Очень страшно. Я делаю шаг вперед— и уже не оглядываюсь.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.